

На Закате

Сборри
Женские Секреты
Красная Лента

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Навел Шальженок

Павел Шульженок

На Закате

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шульженок П.

На Закате / П. Шульженок — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Первые произведения из цикла "На Закате" освещают деятельность прославленного инквизитора Кастора Барроумора, выдающегося представителя Святой Инквизиции Альдена. Кастор Барроумор решает самые непростые и зловещие задачи, которые иногда выходят за рамки возможного. Когда человек заставляет рыдать демонов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Сборри.	5
2. Дознание.	12
3. Расследование.	20
4. Решения.	25
5. Завершение.	30
2. Комиссар.	36
3. Кровавый цирюльник.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сборри.

1. Прибытие.

Бесконечная качка, душное тепло и тусклый мерцающий свет лампы. За окном проплывает колючая путаница обнаженных тёмных ветвей. Пахнет прелым мужским потом.

Таково было долгое зимнее путешествие на юг Остермарка. Зловещего вида чёрный дормез, копящийся печной трубой, спешно катился вперед, влекомый шестёркой лошадей.

В заднем просторном отсеке, приспособленном для эскорта, ехало четверо.

– Дрегмори. – неуверенно произнёс молодой парень, обладающий волевыми, даже жестокими чертами лица: выдающиеся скулы, тонкая изломанная линия губ.

– Было... – сонно ответил его товарищ, сидящий напротив. Он запрокинул голову назад и, казалось, дремал.

– В пекло! – зло прошипел первый. – Сколько ещё здесь болтаться?

– Ты должен спокойно переносить путешествия. Болтаться, так или иначе, нам придётся годами. – горько усмехнулся товарищ.

– К этому нас не готовили.

– Привыкай... Главное в этом деле, не следить за временем и расстоянием. Просто свыкнись.

Впрочем, путь был уже близок к завершению. Часа через три дормез обогнул густой осинник и оказался в виду крупной деревни, в которой исчезала ухабистая проселочная дорога. Под небом, низко нависающим грязно-серыми лохмотьями, жались к земле соломенные крыши, побеленные снегом. Примерно с пол сотни дворов. В десятке мест тянулись размазанные по ветру дымные струйки. Народа было не видно, похоже, все укрылись по домам.

Чёрная повозка проехала до перекрестка, находившегося в самом центре поселения и там уже остановилась.

Сборре, одна из деревень Остермарка, в юго-восточной его части, никогда и ничем не выделялась из тысяч других таких же, и интересна была разве что собственным жителям. До Шелвика, ближайшего города, отсюда было более двухсот стадий, а стадий ещё через сто пятьдесят пролегла уже граница Северной Империи с Синестолом. Народ здесь по преимуществу занимался хлебопашеством и свиноводством, что и было самым обычным родом деятельности в этом регионе.

Первыми высыпали наружу четверо воинов из заднего отделения дормеза. Двое молодых интернов, игравших по дороге в города, приняли сейчас же весьма серьезный вид, как и подобало представителям инквизиции. Вооружены они были мечами, что уже подчеркивало их статус. Эти ребята прибыли из Хартленда, самой центральной части Империи, и теперь должны были участвовать в операции вместе с комиссаром.

Ещё двое воинов, так же носивших на себе признаки сего мрачного ведомства, были гораздо старше, имели окладистые бороды и держались несколько свободнее, словно приехав в свои родные пенаты. Это были сентинелы, прикомандированные в Шелвике. Вооружены они были короткими алебардами, соответственно своей невысокой должности. В отличие от интернов, представители местной инквизиции своё участие в операции воспринимали только как служебную необходимость и особенной серьезности не проявляли. Они смотрели вокруг с каким-то небрежным спокойствием, предвкушая только хороший отдых после длительного путешествия.

Из главного отделения дормеза, где, собственно, путешествовали оба агента инквизиции, никто не выходил, очевидно, в ожидании встречи со стороны представителей поселения.

– Не так уж здесь холодно, – проговорил хмуро озираясь интерн с жестоким лицом. – Зачем только и топили.

– Не удивительно. – ответил ему товарищ, приметный тем, что решил отпускать бородку с усами, которая впрочем, не слишком хорошо у него росла. – Зимы в этих краях короткие и мягкие. А ещё немного южнее и снега не бывает.

– Чем южнее, тем больше хаоса и безумия, никогда об этом не думал. Почему на севере не бывает настоящих ересей? Там по природе все подчинено порядку и правилам. Человек волей не волей приучен к дисциплине и распорядку. А вот вам пожалуйста, зимы толком нет, готовиться к ней и не нужно. Не нужно думать о будущем, о неминуемой расплате за безделье и нерадение. Это же человек и к вечности применяет.

Преимущества от предков тоже не будет. На севере если не научишься жить как жили поколения до тебя, то пожалуй и не выживешь. А здесь что? Предок спал под деревом, а этот захотел и в кустах подремал. Разницы нет. Как здесь вообще можно говорить о духовной жизни?

– Ты сильно утрируешь, Аполлос. – усмехнулся товарищ с бородкой. – По-твоему и у пустынников духовной жизни не было?

– В пустыне, брат Натан, то же, что зимой, жизнь тяжела, и нужно если не трудиться, то по крайней мере себя сильно ограничивать. А я тебе толкую про вольготную южную жизнь, когда еды и питья в изобилии даже без особых стараний, и ничто тебя не принуждает к порядку. От этого и рождаются ереси, от неги и праздности. – уже горячась продолжил Аполлос.

– Уверен, и у южной жизни есть свои темные стороны. Надо быть лучше знакомым со спецификой. – пожал плечами Натан.

– И знакомиться нечего. Юг породил чудовище Мегалона, иридийскую схизму и все восточные секты. Сама история подтверждает то, о чем я говорю.

– А Мистерион? Неужели он благополучнее Юга?

– Мистерион не знает Евангелия. А Юг Евангелие не только узнал, но и изучил достаточно, что бы извратить. – возразил Аполлос.

В это время к дормезу прибыли представители деревни, ошастливленной визитом инквизиции. Первым шёл голова: высокий долговязый старик с поднятыми сутулыми плечами. Его напряженное угрюмое лицо выделялось кустистыми бровями и длинными усами по-казацки. Этнически и культурно население этой местности было родственно славянам Синестола, и выглядело соответственно.

За головой спешно семенил щуплый мужичонка, вида весьма нервного, но как и голова, одетый вполне добротнo, что выдавало в нем принадлежность к сельской элите, насколько можно её так характеризовать. Это был ближайший заместитель головы, и, естественно его родственник, а именно зять. Звали этого человека Проскуром.

Третьим шёл кургузый и плешивый шинкарь, с лицом явно выдающим винное пристрастие. По роду своей деятельности, шинкарь на селе всегда принадлежал к классу весьма уважаемому. Этого звали Устином.

Ну и замыкал эту компанию какой-то паренек, очевидно, бывший здесь на посылках. На глупом деревенском лице его можно было прочесть и страх, и восхищение, и жгучее любопытство. Страшно сказать: сама инквизиция пожаловала. Огромная, похожая на страшный черный гроб повозка, с облепленными грязью гербами, жестяной печной трубой вроде кривого гриба, дорожным инструментом на подвеске, представлялась приехавшей из самых захватывающих мрачных легенд.

При приближении селян кучер, уже осмотревший лошадей и упряжь, деликатно постучал в переднюю дверцу дормеза. Наконец, наружу вышли главные лица инквизиционной комиссии. Начальником ее был майор-агент комиссар Кастор Барроумор. Собственно имя его было легендарным везде, где слышали о всемогущей инквизиции. Истребитель оборотней Вестера,

уничтожитель алхиманов в Альдене, искоренитель родноверия, герой экспедиции в Мистерион, старший ревизор коллегии собственной безопасности инквизиции. Он был единственным выжившим в нескольких инцидентах, никто не знал ни о каких его ранениях, и по слухам комиссар Кастор был вовсе неуязвим. У простого обывателя слава его вызывала даже мистический страх, едва ли не больший, чем страх перед самой нечистью которую Кастор так беспощадно выжигал.

Комиссар был среднего роста и широк в плечах, на ногах стоял крепко, как стоит на своей земле хозяин. Лицо его было чисто выбрито, и имело несколько хищный орлиный профиль. Выражение на лице застыло откровенно злое и внимательное, словно Кастор постоянно целился для точного удара, куда бы ни посмотрел. Чёрные блестящие волосы, облегающие голову, были туго стянуты в длинный хвост.

Облачен комиссар был в долгополый кожаный сюртук, который был достаточно плотен, что бы послужить в качестве лёгкого доспеха. Широкая бордовая лента с приколотым на ней орденом, означала должность комиссара инквизиции.

Вместе с комиссаром присутствовал его секундант, также агент инквизиции, Рорик Маркус. Он был ниже ростом и значительно мощнее по своему сложению. Широчайшая спина, могучие скаты плечей, слегка поднятые и раздающиеся в стороны руки, все это выдавало в Рорике большую физическую силу. Лицом он напоминал лихого корсара, во многом благодаря вихрастым топорщащимся бакенбардам и жуткому шраму делящему всю физиономию глубокой бороздой наискось. Впечатление усугублялось кривой гримасой гнева и презрения навечно искажившей черты Рорика.

В прошлом Рорик сам был комиссаром в Вестере, но предпочел служить секундантом при более прославленном агенте. Тем более, что оба были выходцами из одного монастыря, а именно Барроумора, и самого детства знали друг друга. Оба начинали служить в Вестере, но после знаменательного истребления оборотней Кастор был переведен в столицу, а Рорик остался служить там же, где и набрал основную часть стажа. Потом они сошлись при искоренении вестерского родноверия, когда из Альдена, в помощь местной инквизиции, была направлена специальная комиссия во главе с Кастором. И наконец пять лет назад Кастор выхлопотал себе Рорика в качестве секунданта, что было не просто. Секундантов назначал специальный отдел коллегии, так что бы напарники не только служили вместе, но и контролировали друг друга. Разумеется, личные симпатии здесь должны были быть исключены. Лишь особое положение Барроумора позволило ему обеспечить нужное назначение.

– Приветствуем вас в Сборри, Ваше Преподобие. – с чрезмерным заискиванием расплылся перед гостями заместитель Проскур, высказывая вперёд сельского головы. Тот смотрел угрюмо, и очевидно не был столь радушен. – Разрешите уточнить...

– Мы остановимся в том же доме, где останавливался детектив Грэйс. – распорядился комиссар с ходу, изрядно ослабив улыбку Проскура. – Завтра рано утром начнём следственные действия. Мне понадобится всестороннее содействие каждого человека в этой деревне, если кто-то покинет её с этого момента до особого разрешения, будет найден и подвергнут тщательному дознанию. Завтра я рассчитываю, что местная власть примет в осуществлении следствия непосредственное участие. Я встаю рано. Вам все ясно?

– Документ ваш могу я видеть? Кто, да по какому делу? – наконец глухо проговорил голова. Разумеется он уже был во всем вполне уверен, но не мог не выказать и своей значительности.

Комиссар небрежно дал знак Аполлосу, и интерн подал небольшую грамоту с предписанием. В ней голова ожидаемо прочёл, что речь идёт об исчезновении детектива инквизиции Майкла Грэйса, который вел недавно расследование в Сборри. Комиссар Кастор Барроумор должен был расследовать исчезновение детектива, и вместе с тем, довести дело, которое тот не закончил.

– Предлагаю вам более удобное расположение. В моём доме, или хотя бы у Устина, там вам куда удобнее будет. – все ещё угрюмо проговорил голова, возвращая предписание.

– Я сказал где мы остановимся. Распорядитесь только устроить нам тепло и ужин на месте. – ответил комиссар уже как бы с некоторой досадой.

– Это займёт много времени. Та хата совершенно не устроена... – робко возразил Проскур.

– Значит пусть займёт.

Спустя часа два весь состав комиссии уже находился в единственном помещении скромной избенки, явно не рассчитанной на семерых человек, включая мальчика денщика.

Всего два месяца назад здесь останавливался детектив из Шелвика, проводивший достаточно заурядное расследование. Затем он совершенно внезапно пропал и с тех пор жилище пустовало. Согласно пояснениям головы, никаких вещей детектив после себя не оставил, и хата выглядела совершенно заброшенной. Ветхая мебель, крошащиеся стены, истлевший скрипучий пол. Пахло трухой и мышами.

Но вот уже в камине заплясали живые языки рыжего пламени, задрожали на стенах тени, а на столе была разложена присланная шинкарем снедь. Сентинелы расположились на подстилках в углу, поближе к огню, и, разморившиеся вином, начинали похрапывать.

Комиссар сидел на стуле, по своему обыкновению закинув четверкой ногу на ногу, и просматривая бумаги. Интерны, расчистив немного места на столе, выставили там чернильницу, достали свои тетради и перья, что бы делать замечания по ходу. Рорик деловито нарезал балык тонкими ломтями.

– Какие замечания по тем лицам, которых мы сегодня видели? – спросил между делом Кастор, хотя вряд ли не сделал своих выводов сам.

– Голова. – угрюмо ответил Рорик. Его говор отчётливо определялся отсутствием большого количества зубов. – Он или виновен, или знает кто виновен. В любом случае нужно брать его в оборот.

– Только его? – уточнил комиссар.

– Ясно, что все одна банда. Тут иначе и быть не может. Вообще можно всех сжечь.

– Всех сжечь... – задумчиво проговорил Кастор, слегка усмехнувшись. – Братья интерны, как вам такая следственная парадигма?

– Без соответствующего дознания, мы можем потерять какую-нибудь ценную информацию общего характера. Возможно, нам не удастся охватить всех подлежащих экзекуции, или мы упустим непосредственный источник скверны, лишь купировав следствия. – изложил Натан.

– И ещё кое-что... – поднял бровь Кастор.

– Мы можем причинить вред невинным. – добавил, припомнив, интерн.

– Этот пункт тоже не стоит забывать, хотя с практической точки зрения он только все усложняет. – добавил с удовлетворением Кастор и снова обратил взгляд на свои бумаги.

– Когда режешь гангрену, лучше отхватить лишнего здорового мяса. – мрачно возразил Рорик, разделявая балык.

Кастор ничего ему не возразил, он в который раз пробежал глазами по строчкам документов в их хронологическом порядке. Все началось вот с этого доноса, пришедшего в Шелвикский отдел четыре месяца назад. Донос был подписан никем иным, как женой головы Сборри, Мартой. Однако написан ли ею самой, неизвестно. Человек, начертавший тесную нервную вязь, был не просто грамотен, но и писал достаточно резво. Что же за жена сельского головы в забытой Богом деревне?

"Довожу до вашего сведения, что в нашей деревне Сборри, южной шелвикской пятины, живёт колдунья, а именно сирота Лия. Эта особа своим поведением вызывает у селян подозрения. Она ни с кем в общение не вступает, подолгу бродит в лесу в одиночестве, на новолуние непременно исчезает. Возможно вступает в связь с дьяволом. Когда случается кому-нибудь вызвать её немилость, того человека постигают бедствия. Просим вас спасти нашу деревню от бедствия. С величайшим уважением, Марта Сирко. Супруга головы Агафона Сирко."

Комиссар безразлично поморщился. Бабы доносы, они бывают омерзительнее и глупее самого дремучего язычества. В изрядной доле случаев по таким доносам раскрывалось, что причиной всему именно женская мнительность, ревность и просто склонность к сплетням и преувеличениям. И приходилось с определёнными усилиями доказывать невиновность того, кто оказывался под подозрением. Очень часто, даже будучи оправданным, несчастный человек все равно был вынужден сменить место жительства, навсегда дискредитированный бабьей болтовней.

Следующие документы были: постановление арбитра об открытии дела по факту заявления, и назначение детектива Грэйса в качестве следователя по нему. К назначению прилагалась и характеристика.

"Майкл Грэйс. Рожден осенью 1302 года. 1 октября 1302 года зарегистрирован в приюте Всех Святых, город Клайме, графство Клайме, Остермарк.

Основное образование: Свято-Духов монастырь г. Остер. Выпуск 1318 года.

Высшее образование: Академия Инквизиции. Эбендорф. Кафедра юриспруденции. Выпуск 1325 года. Определён для служения в Шелвикский отдел инквизиции на должность штатного секретаря.

1333. Назначен на должность помощника детектива при Шелвикском отделе.

Участвовал в расследовании 56 дел, получил 12 поощрений. Взысканий нет.

1339. Назначен на должность детектива при Шелвикском отделе.

На момент выдачи характеристики провёл 193 следствия. Завершено 163 дела, из них пересмотрено – 15. 21 дело передано в архив не закрытыми. 9 дел передано другим следователям.

За время службы проявил качества высокой ответственности и внимательности, неукоснительно следует протоколу. Обладает отличной памятью. Вместе с тем обладает средней способностью к решению сложных задач, посредственно владеет дедуктивным методом. Не изобретателен, к инициативе расположен мало. Боевые навыки и физическая подготовка крайне низкие. Психологическая устойчивость слабая. Не набожен, но обряд исполняет неукоснительно.

Рекомендован к секретарской службе, ведению документации, архивной работе. Пригоден к расследованию дел категории А, первого и второго класса. Не рекомендован к расследованию дел высокой сложности и особого значения. Слабо пригоден для оперативной и силовой практики. "

"Кто тебя вообще в детективы определил? " – мрачно подумал комиссар.

Согласно характеристике, на этой должности Грэйс прослужил 12 лет. Нужно было весьма не блистать, что бы за это время не стать хотя бы секундантом. Судя по приличному количеству закрытых дел и неплохой статистике, в основном Майклу приходилось иметь дело с невежественными сельскими попами криво составившими проповедь, и страшать бабок-шептуний по деревням.

Вполне вероятно, что на этот раз Грэйсу повезло столкнуться с чем-то по сложнее.

Следующим документом шла выписка из архива, сделанная уже по запросу Барроумора. Это была справка, а по сути характеристика, касающаяся непосредственно деревни, её истории и сформировавшегося в ней общества.

"Сборри – деревня в южной пятине графства Шелвик, Остермарк. Название поселения имеет славянское происхождение и изначально звучит как "Сборье". Первое упоминание о поселении относится к 956 году, и содержится в епископальной хронике Шелвика. "Епископ Симен запретил языческий обычай на Сборье, отчего в народе было недовольство". Речь идёт, вероятно, о традиционных боях представителей разных провинций, периодически проводившихся в этой местности. Далее Сборье регулярно упоминается в податных списках Шелвика, ведшихся с 1010 по 1092 год. Около 1093 года посёлок был razoren мегалийцами. В 1096 году Сборье упоминается в мегалийском реестре провинции Ириады. В 1015 году посёлок под названием Сборри внесен в кодекс Остермарка, и с этого времени постоянно фигурирует в налоговых, метрических и реестровых документах графства Шелвик. Население поселка в 1017 году составило 64 человека, и с этого времени имело тенденцию к увеличению. Налоговые документы указывают на увеличение благосостояния жителей. С 1120 по 1250 год проводилась ежегодная Сборрская ярмарка. Основные занятия селян – земледелие и свиноводство, производство кожи. В 1237 году население Сборри составляло 630 человек. Однако с 1240 года в налоговых документах фиксируются значительные недоимки, и перепись 1247 года указывает численность в 405 человек. С этого времени Сборри приходит в упадок. В 1300 году указано население в количестве 250 человек. Согласно метрическим записям за 1250-60 годы только каждый третий ребёнок достигал возраста первого Причастия. Средняя продолжительность жизни в эти годы для мужчин 42 года, для женщин 60 лет. С 1300 года население значительным образом не снизилось.

Роды занятости: традиционное свиноводство, возделывается рожь и пшеница, заготавливается лён. В небольшом количестве заготавливается лес.

На 1351 год благодати Божией в селе Сборри числится 224 человека. Этнический состав: остряки 190 человек. синестольцы 22 человека. Альты 12 человек. Вероисповедание: альденийцы 206 человек. Схизматики 18 человек. Сельский голова – Агафон Сирко. "

Кастор задумался. В этом селении обреталось два десятка схизматиков, которые, скорее всего причисляли себя к синестольской схизме, одной из славянских церквей. Все бы ничего, на территории Остермарка и хайлэнда схизма не преследовалась, но проблема заключалась в том, что здесь, в Сборри, у этих людей не было никакого духовного руководства. Если к альденийцам несколько раз в год обязан был приехать представитель аббатства, то схизматиков не окормлял никто, а это значит, что в их среде могли процветать самые дикие верования, и, вполне вероятно, готия. Таким образом, у комиссара уже намечался круг подозреваемых.

Подумав ещё с минуту Барроумор отложил бумаги в сторону.

– Один интерн и один сентинел дневалит до заутра, другие двое до первого света. Потом побудка. С утра поднимаем голову, набираем волонтеров из местных и расставляем на постах. Делаем дознание, задерживаем. Брат Натан, завтра мне точно нужны, во-первых, Лия и жена головы, Марта. Во-вторых, сам голова, его заместитель и шинкарь. Завтра же брат Аполлос отправляется в местное аббатство с санкцией на эксконфессию, допросит священников окормлявших деревню последние лет пять. А теперь отбой, скоро уже полночь.

Первым дневалит Аполлос, однако брат Натан так же не смог уснуть, и что бы пообщаться, не беспокоя других братьев, интерны вышли за дверь.

Над селом нависла пронзительно-звёздная ночь, слегка морозная, налитая голубоватым сиянием гигантского рогатого полумесяца. Тишина стояла абсолютная, и казалось, что приземистые силуэты хат, это просто мертвые глиняные груды, которые никогда не были обитаемы. Или вовсе могильные бугры на старом погосте...

– Видит Бог, я бы просто сжег здесь все и поехал обратно. – покачал головой Аполлос.

– А хочет ли этого Бог? – усмехнулся Натан. – Для того, что бы решать все таким образом, нас не было никакой нужды держать в Академии. Достаточно раздать красные ленты, вооружить, и довольно. Но... Инквизиция это нечто более сложное.

– Я иногда смотрю на Барроумора... Мне кажется, мне никогда таким не стать. Не удивляюсь, если его подследственные сами просятся на костер, лишь бы только он прекратил с ними разбираться.

– Если бы комиссар во всем не разбирался, то не стал бы тем, кем мы его знаем. Вычистить алхиманов в столице... Это уже вошло в учебные пособия. А вот Маркус, кажется, сторонник твоего подхода, и кто он? Секундант и то, по протекции.

– Ну, о Барроуморе разное ещё говорят, даже в Академии.

– Например то, что он никогда не спит. Просто закрывает глаза, и при этом все слышит, всегда остается в боевой готовности. Его нельзя застать врасплох.

– Надеюсь, мы ничего такого не сказали? – усмехнулся Аполлос, и немного громче добавил: – Всегда считал Барроумора эталоном инквизиции, совершенным слугой Меча и Факела.

Натан ничего не ответил, но жестом показал, что переигрывать не стоит. Братья постояли на улице ещё минут пять, и наконец зашли внутрь избы.

2. Дознание.

Кастор открыл глаза ещё засветло, когда глаза брата Натана уже покраснелись и налились тяжестью. Дежурный сентинел и вовсе дремал, в нарушение всех правил.

– Брат Натан, ты спишь с открытыми глазами? – зло спросил комиссар у интерерна. Прозвучало это так зловеще, что молодой инквизитор мгновенно избавился от сонливости.

– Никак нет, Ваше Преподобие...

– Разве ты не видишь, что этот проклятый сентинел спит? Действуй. – продолжил в той же манере комиссар.

Брат Натан понял, что сейчас же должен проявить максимальную жесткость по отношению к халатному сентинелу, иначе гнев комиссара обрушится на него самого. Между тем, сам нрав брата Натана противился особой жесткости, и именно поэтому сентинел сейчас позволил себе спать. После недолгого замешательства интерн приблизился к бойцу и весьма грубо толкнул его в плечо. Сентинел немедленно проснулся, обратив к молодому инквизитору мрачнейший взгляд, но быстро сориентировался, увидев за его плечом комиссара.

– Что такое? – спросил брат Натан как мог строго.

– Прошу прощения, сам не заметил как сморил. – ответил сентинел, отирая ладонью припухшее со сна лицо и вынужденно поднимаясь на ноги.

– Ещё раз нечто подобное повторится, составлю акт на обоих. – отозвался комиссар и отошёл в угол. Кастор знал, что такая вещь, как жестокая ответственность для инквизитора совершенно необходима. И лучше брату Натану понять это сейчас.

Теперь же настало время для молитвы. Если ты практикующий инквизитор, и тебе действительно приходится иметь дело с демонами, то лишь молитва поможет тебе не только выполнить задачу, но и элементарно сохранить разум. Работая в Коллегии, Кастор своими глазами видел, что порою происходило с братьями, вышедшими на брань, не имея духовного навыка. Пренебрегая помощью Божией, не призывая Его благодать, ты становишься легкой добычей для тех, с кем призван сражаться. Молитва, непрерывная молитва сохранит твой контроль над мыслями, пресечет инспирации, позволит избежать абсессии... А в своём собственном случае, Кастор вынужден был молиться вдвое сильнее, вдвое больше, потому что от пропасти его отделял всего один шаг. Прославленный инквизитор преследовал демонов, разрушал их козни, и уже в адских мирах его имя было известно и ненавистно. Но главный, самый опасный враг, личный демон Кастора, преследовал его самого. И нельзя было дать ему ни шанса. "Господь мой, Спаситель, помилуй меня грешного"... Когда молишься, важно осознавать реальное положение вещей: если Господь не даст тебе силы, противник разорвет тебя здесь и сейчас.

Когда Кастор закончил молитву, бледные лучи света уже просачивались сквозь ставни, чертя в полумраке избы изломанные светлые линии. Агент Маркус встал позже и тоже молился, но никто не собирался ждать, пока он закончит. Комиссар резко развернулся, щелкнул пальцами, по своему обыкновению, и громко приказал:

– Начинаем братья. Поднимаем Сирко, начинаем следственные действия. Все помнят, у кого какие задачи?

– Так точно, комиссар. – отозвался встрепёнувшийся Натан, успевший часа три вздремнуть, пока Кастор молился.

Будить Агафона Сирко инквизиторам помог деревенский олух, встречавший вчера дормез. Он подскочил к ним, едва они вышли из избы, и с восторженной готовностью проводил

к самому богатому дому в селении, лишь немного отстоящему от майдана. Жилище это с массивной соломенной крышей, подпертой резными деревянными столбами, откровенно выделялось среди прочих построек в Сборри, и размерами и добротностью исполнения. Провожатый долго молотил в дверь и в ставни, пока не был наконец обруган бабым голосом. Однако, уже через пару минут во двор вышел помятый и злой как демон голова Сирко.

Комиссар не стал обращаться к нему лично, предоставив сделать это интерну, что бы проверить насколько тот сможет обеспечить организацию расследования. Брат Натан справился отлично, и голова, несмотря на очевидное нежелание иметь дело с инквизицией, принял его распоряжение к исполнению.

Через пол часа на майдане уже собрались практически все жители селения, и комиссар Кастор, взобравшись на телегу, зычным властным голосом потрясая влажный холодный воздух доводил до их сведения важную информацию. Мужики смотрели нахмурившись, бабы встревоженно, все были очевидно напуганы. Не надо было быть особо одаренным следователем, что бы увидеть, что здешнему народу есть что скрывать, и скрывать он умеет плохо. С селянами всегда так, работа для интернов и лентяев.

– Уважаемые жители Сборри! По распоряжению Святой Инквизиции Альдена, в ваше селение направлена чрезвычайная комиссия, для проведения следственных действий! Особо подчеркну, что расследование носит чрезвычайно важный характер, иначе нас бы здесь не было! От вас потребуется всяческое содействие следствию, и что важно, чрезвычайно важно: абсолютная искренность и честность. Любая ложь и лукавство в деле расследования, это в первую очередь грех перед самим Господом, а кроме этого это тяжкое преступление, за которое может быть подвергнут взысканию как отдельный преступник, так и всё селение в целом! Я бы не хотел, что бы нечто такое произошло. Вплоть до особого разрешения, кому бы то ни было запрещается покидать селение. Нам может понадобиться помощь каждого из вас. Каждый, кто нарушит это постановление, будет автоматически признан виновным в препятствовании следствию. Это преступление влечет за собой не только извержение из Церкви, но и самое суровое наказание по имперским законам! Сейчас призываю всех проявить должное прилежание и усердие. Следуйте указанием вашего головы и членов комиссии! С Богом!

Когда Кастор закончил свою речь, на дорогах, ведущих из села уже стояли наряды из местных мужиков, призванные препятствовать кому-либо при попытке покинуть Сборри. Комиссар скорее не верил в действенность такой меры, но она была необходимой. Возможно, страх перед наказанием и заставит селян содействовать.

Между тем, брат Аполлос, уже добрый час как гнал одну из лучших лошадей Сборри, направляясь в Лашевское Иоанновское аббатство, находящееся лигах в пяти на север от села. Именно там обретался клирик, окормлявший местное население, и именно он должен был поведать обо всем, что узнал от него на исповеди, и что могло бы быть полезным. В этом и был принцип эксконфессии, которая никаким образом тайну исповеди не нарушала. Тайны кающихся сердец оставались известны только уполномоченным духовным лицам, и никогда не предавались огласке, даже если по итогам эксконфессии кто-то подвергался наказанию, уже в качестве епитимии.

Дознание решили проводить в той же избе, где и остановились. Еще один дом поблизости, принадлежащий вдове-поросятнице, решили превратить в изолятор для тех, с кем стоило разбираться дополнительно.

Первой Кастор хотел видеть, конечно же Лию, ту самую несчастную колдунью, из-за которой всё и началось. Совершенно ожидаемо сиротку никто найти и предоставить не смог, хотя, как выяснилось, обыкновенно она обреталась на дворе у головы. В итоге на поиски колдуны

был отряжен Рорик, наделённый широчайшими полномочиями в плане опроса местного населения.

Комиссар же решил начать беседу непосредственно с женой Агафона Сирко Мартой. Супруга головы мало чем отличалась от обыкновенной сельской бабы: толстая, полнокровная, некрасивая. Отличало её разве что чистое платье, да по-звериному цепкий взгляд, говоривший об уме и жестокости, не свойственных сельским бабам.

В избе, кроме Барроумора и Марты, оставался только брат Натан, которому надлежало наблюдать за работой комиссара. Женщина уселась на одинокий табурет, выставленный посреди помещения, с волнением оглядела обоих инквизиторов. Кастор стоял ровно напротив неё, сложив руки на груди и смотрел словно с усталостью, размышляя еще о чём-то.

– Итак, уважаемая Марта Сирко, в свое время вы направили запрос в отдел Святой Инквизиции, по поводу некоей сироты Лии. Вот, мы здесь. Давайте побеседуем об этом... Среди оснований ваших подозрений, вы называете то, что девушка слоняется по лесам, и мало с кем общается. Это может иметь отношение к делу, а может и не иметь. Это же молодая девушка, как я понимаю, а насколько мне известно, в теории, для молодой девушки такое поведение может быть естественным. Особенно для сироты. Может быть были еще какие-то обстоятельства, о которых нам следует знать?

– Так Ваше Преподобие, до вас здесь был же еще этот... Преподобный Грэйс. Я ему все как есть сказала же...

– О преподобном Грейсе мы поговорим еще отдельно. Я хочу знать, зачем на самом деле вы вызвали сюда преподобного Грейса. Сиротка Лия как предлог, а детектив, приехавший сюда, исчезает. Я могу сказать, что очень все походит на какую-то западню. И что же в таком случае получается, Марта? В эту западню заманили детектива именно вы.

– Да Господи Иисусе! – женщина испуганно взглянула на брата Натана, как будто он мог ей чем-то помочь. – Ваши Преподобия, да ну какая западня... Что Лия колдовка, это вы он у кого хотите спросите. Убей меня Боже!

– Богу незачем вас убивать, лично. – усмехнулся Кастор, и подошел несколько ближе. – Так почему же все так уверены, что несчастная сиротка ведьма?

– Так у неё мать-то кто... – уже переходя на скандальные ноты возразила Марта.

– А кто у неё мать? – вскинул брови инквизитор.

– Так... это... – женщина кажется начала говорить не вполне то, о чем хотела. – Ведьма же была.

– Отлично, Марта, отлично, давайте поговорим о её матери. Кто она, когда преставилась, и почему вы так уверены, что она тоже была ведьмой?

– Анна её мать была, померла вот зимой, на сочельник и померла. А что ведьма, так тут к ней это...

– Местные обращались. Так? – Кастор недобро ухмыльнулся.

– Да я-то не обращалась, а эти вот... православные... Те хаживали.

– Схизматики?

– Да, они. Как захворает кто, да, так и идут к Анке. А она им там делает...

– И что, помогала Анка-то? – уже с каким-то весельем спросил комиссар, и от этого вопроса даже у брата Натана пробежали мурашки по коже.

– Не знаю я, как помогала... – потупилась Марта. – Да только как померла, жить легче стало.

– Как же она померла-то?

– Померла и всё... Прибрал её дьявол. Еще бы отродье её куда-нибудь делось, вообще бы хорошо.

– Но я слышал, что она живет у вас на дворе. Как так, приютили значит ведьму, а потом на неё же доносы строчите.

– Это всё...

– Агафон? Муж ваш...

– Нет, не муж! – воскликнула Марта, едва не подпрыгнув. – Это Паул. Сын наш... Приворожила его, дрянь такая. Приташил шалаву эту, в сених поселил. Жениться просил, да кто ж ему дал бы! Я сказала: проклянуй, отрекусь, по миру пушу...

– И что, – перебил Марту комиссар. – Где теперь ваш Паул?

– Да чёрт его знает! Может с ней и сбежал... Ищи ветра в поле. – зло бросила Марта в лицо Каспару, уже словно не боясь его. Но его это уже мало беспокоило, потому как картина прояснялась и достаточно легко.

Немного всё спутал вошедший в избу Рорик. С собой он вёл хрупкую маленькую девочку, держа в ладони её тонкое предплечье, которое, вполне мог сломать одним усилием. Девчушка была одета в длинную грубую рубаху, и драный коровий жилет поверх неё. Несколько холодновато для стоявшей на дворе погоды. Длинные волосы свободно ниспадали вперёд, практически закрывая потупленное лицо гостьи, держалась она крайне робко.

– Брат Рорик, я надеюсь это то, о чём я думаю. – вскинул брови Барроумор.

– Как есть. – отозвался секундант, прикрывая за собой дверь. – Та самая Лия, извольте получить.

Убийственный взгляд Марты, направленный на девочку вполне подтвердил сова Маркуса.

– Тогда так. Брат Рорик, очень сожалею, но отдохнуть тебе не удастся. Проводи госпожу Сирко под охрану братьев сентинелов, она нам может еще понадобится. А мы пока пообщаемся с этой юной особой. Где нашёл-то?

– В лесу, где. По счастью, эта колдунья имеет свои привычки и не шатается где попало. Просто праздник какой-то.

– Не то что Вестер, правда? – мрачно улыбнулся Кастор.

– Это вы че, меня арестовываете что ли? – запричитала Марта, когда Рорик взял за предплечье уже её.

– Не совсем, но я вам не советую до этого доводить. – ответил ей комиссар и жестом указал Лии на освободившийся табурет.

Девушка робко подошла, села, уставилась в пол. Она кажется ожидала, что в любой момент её начнут бить, или еще чего хуже, словно сжавшись в маленький комочек страха. Только Каспару не было её жаль, впрочем, и неприязни к ней он не испытывал.

– Так ты Лия, дочь Анны, так? – проговорил он умиротворенно. Девушка робко кивнула.

– Ну что же, Лия... Меня сейчас интересует вот что. Как умерла твоя мать?

Лия вжала голову в плечи, но не ответила ничего.

– Хорошо, следующий вопрос. В каких отношениях ты была с Паулом, где он сейчас, когда и где вы встречались последний раз?

Лия не подала ни звука, ни движения, застыв на табурете.

– Ты знаешь в чём тебя обвиняют, девочка? – поинтересовался комиссар, приближаясь. – Детектив прибывший по твоему делу, исчез бесследно. Возможно, нет... Скорее всего, его нет в живых. И если я не смогу разобраться в том, что произошло, кара падёт на тебя.

Барроумор приблизился к девушке, присел перед ней на корточки. Брат Натан, стоявший поодаль смотрел на эту сцену с тревогой. Ему девочку было откровенно жаль, а сейчас она испытывала терпение одного из самых страшных людей в Империи, самого мрачного инквизитора, каких только знала история. Если ему будет нужно, то она расскажет всё, что понадобится...

Комиссар протянул руку и взяв Лию за подбородок поднял её лицо к себе. Её уже была мелкая дрожь, глаза были закрыты, но что заставило инквизитора прищуриться со вниманием,

так это её облик. Огромные черные синяки вокруг запавших век, проступающий через бледную кожу череп... Кто-то словно пил из Лии кровь, причем регулярно. Или не словно.

– Нет, девочка, никто не причинит тебе вреда. Никто не будет тебя пытаться... Ты сама нам поможешь, и себе тоже... – проговорил инквизитор задумчиво. – Брат Натан, подойди-ка сюда.

Интерн повиновался и тоже замер, глядя на мертвенное лицо девушки.

– На что это похоже, брат Натан?

– Десмодия?

– Возможно. Но почему именно она, наша сельская ведьма? Если только они не поддерживают личные отношения с реципиентом.

– Ведьма-донор?

– Сначала мы узнаем ведьма ли, и насколько ведьма. Как будем узнавать, брат Натан?

– Тесты на обрупцию.

– Совершенно верно. Твои предложения.

– Ну стандартно, по Мануалу. Фимиам, елей, и канон из Ритуалии.

– И только?

Брат Натан озадаченно замолчал, удостоившись от комиссара крайне тяжелого взгляда.

– Скажи мне, брат Натан, чем обусловлен положительный эффект обрупции?

– Обсессией, очевидно...

– Очевидно. – согласно кивнул Кастор. – А каковы степени обсессии у развитых маляфиков?

– От третьей до шестой, с возможностью летального исхода.

– Ты хочешь, что бы наша девочка откусила себе руку или голову размозжила? Фиксация, брат Натан! Этого поди в Мануале не написано. Неси шарф и веревки.

Лию усадили с табурета на пол, и пока брат Натан готовил кафельницу, комиссар решил связать девушку. Сначала ей следовало стянуть руки шарфом, что бы уже поверх наложить веревки. В противном случае путы могли причинить ей боль или даже травмировать, учитывая её комплекцию и состояние. Во время обрупции, или отторжения, когда в человеке начинают действовать демоны, мучимые благодатью, несчастные люди корчатся и бьются в страшных судорогах, рвут свою плоть, в более сложных случаях проявляют агрессию, или, что было совсем редкостью, даже видоизменяются телесно. Какой бы ни была степень одержимости, фиксация в таких случаях была необходима.

– Не волнуйся, это для твоего же блага. – проговорил Комиссар, мягко взяв девушку за запястья, и вдруг заметил гримасу боли, промелькнувшую на её лице. Сдвинул рукав рубахи выше по локтю, и увидел нечто, чего и ожидал: на тонком предплечье обретался глубокий разрез, едва подернутый свежей коркой. Рядом розовели два шрама от разрезов немногим старше.

– Ну, как я и думал... Похоже, мы все-таки с кем-то делимся кровушкой, да девочка? Брат Натан, взгляни-ка на это.

Интерн, едва нашедший в печи последние угли для кафельницы, отвлекся от своего занятия.

– Как думаешь? – продолжил Кастор, демонстрируя ему руку девушки, – Какова периодичность надрезов?

– Эм... Неделя?

– Брат, Натан. Между надрезами по две недели, с чем это может быть связано?

– Лунный цикл.

– Совершенно верно. Сейчас полнолуние, этот шрам вчерашний. Вот новолуние, а вот еще одно полнолуние. Реципиент пьет кровь перед фазой упадка и после пробуждения. .. Кстати мог бы и обойтись в новолуние, не критично. Десмод у нас жадный, и требовательный. Самый ранний надрез сорок пять суток назад примерно, это начало января... Связь с реципиентом началась не раньше середины декабря. Что произошло в этот период?

– Умерла мать Лии!

– Поздравляю, брат Натан, одну часть расследования мы практически закончили. – кивнул Каспар, и все-таки стал связывать девушке руки. – Потерпи, детка... Тесты мы все равно проведём. Мы должны убедиться, что ты не так страшна, как твоя матушка.

В этот момент в дверь без всякого стука вошел Маркус, а за собой втащил шинкаря Устина, по виду весьма перепуганного. Увидев, как Комиссар связывает девушку, а интерн занимается углями, Устин явно не успокоился.

– Брат Рорик, – с досадой проговорил Кастор, – Давай попозже его. Видишь, будем тестировать нашу маленькую ведьму.

– Что вы с ней долго-то так возитесь... – нахмурился Маркус.

– Господь явно благоволит этой девушке, если не отдал её в твои руки. – усмехнулся Кастор, хотя это была не шутка. Рорик всегда действовал жестоко и грубо, следуя кратчайшим путем к закрытию дела. Пожалуй, у него Лия уже созналась бы в том, что сожрала Грейса лично, со всеми его вещами.

Скоро помещение наполнилось плывущими завитками сизого дыма, ароматами смолы. Кадильницу установили прямо перед Лией, которая продолжала сидеть на полу, поджав ноги, с руками привязанными к щиколоткам.

Интернт достал флакончик с маслом, что бы нанести крестное знамение девушке на лоб.

– Что за елей? – спросил комиссар, открывая походный томик Ритуалий на разделе экзорцизма.

– Ну как... Литийный, из Академии.

– Ладно, у меня в сумке, в торцевом кармане возьми колбу. Что бы уж точно...

Когда Лии на лбу начертили крест, она не отреагировала никак. И это означало либо что все не так плохо, либо что все очень серьезно. Если демон не реагировал сразу, то либо его не было вообще, либо он был достаточно силен, что бы до сих пор терпеть.

В задымленном полумраке зазвучал размеренный речитатив интерна, слова канона. Комиссар сидел на табурете рядом, внимательно наблюдая за реакцией Лии. Сначала девушка уронила голову на колени, и сидела так до пятой песни, потом откинула её назад, подняв лицо кверху. Глаза Лии были закрыты, дышала она тяжело, видно было что ей весьма нехорошо. Комиссар ждал.

На седьмой песне девушку вырвало тёмной желчью, и она, потеряв сознание, стала заваливаться на бок. Комиссар успел её подхватить, и уложить на пол. Так она и лежала неподвижно, дыхание её стало размеренным, и с последними словами канона ничего не изменилось. Повисла тишина, в которой продолжали безмолвно клубиться синеватые облака фимиама.

– Обсессии, соответствующей малефику, не наблюдается. – резюмировал Комиссар.

Вскоре девушка уже сидела у печи, укрытая походным байковым одеялом и смотрела на огонь. Кастор выдал ей свою вторую рубаху принесенную из Дормеза, а брат Натан был послан в шинок за парой бутылок вина, за чистой одеждой для девушки и, собственно за шинкарём Устином.

Хата основательно пропахла ладаном, но Лия чувствовала себя в ней вполне хорошо. Она уже не боялась, однако на контакт пока не шла, хотя было очевидно, что могла рассказать многое. Кастор мрачно смотрел на её изможденное, но молодое, должно быть красивое лицо, на отблески пламени, пляшущие по её тонкой как пергамент коже. Да, еще недавно она была гораздо здоровее и красивее, а учитывая, что она не от мира сего, и уже тем выделяется среди обычных сельских девок... В неё можно было влюбиться. Конечно, не Кабору, но кто-то другой, имеющий влияние в Сборри, вполне мог.

Дверь скрипнула, и комиссар, ожидавший увидеть сейчас Натана или Рорика, оглянувшись, весьма удивился. Это был брат Аполлос.

– Ты загнал лошадь?

– Этого не потребовалось, Ваше Преподобие. – запыхавшись произнёс интерн. В аббатстве мне дали коня не хуже, и вот я снова здесь. Тем более, оно не так уж далеко по хорошей дороге. – сказал со слегка сбитым дыханием интерн, приблизившись и оглядев девушку у огня.

– Ну так что ты узнал?

– Я легко нашел отца Савву, он приезжал сюда последнее время. В общем тут всё очень скверно... У них тут уже лет двадцать жила настоящая ведьма, и не то, что бы просто жила, а была в чести. Здесь каждая семья к ней обращалась в то или иное время, кормили её всей деревней, и очень боялись.

– И аббатство не дало знать инквизиции в Шелвике. – проговорил Кастор.

– Я не знаю...

– Я знаю. И аббатство, и, возможно, шелвикский отдел соблюдали некую договоренность. В этом селении такую договоренность мог заключить только один человек... Отлично. Сейчас допросим шинкаря, а потом возьмёмся за голову. Смешной каламбур, правда? Ладно, ты молодец, садись к огню, но будь осторожен, не слишком близко.

– Этот каламбур тоже не плох – улыбнулся интерн.

– Да, что-то на меня нашло. Хорошее настроение, люблю когда всё так распутывается. Даст Бог, и ты полюбишь.

Через минуту в хату, уже называемую инквизиторской, зашло сразу трое. Маркус, Натан, ну и опять же перепуганный шинкарь Устин. Последнего тут же усадили на табурет в центре, интерны принялись выливать вино в котелок, что бы поставить на огонь, а комиссар не откладывая, приступил к допросу.

– Сударь Устин Каш. .. Я прав?

– Да, Ваше Преподобие, так – робко поджав ручонки к жирному туловищу закивал крысачьей головой Устин. Грязные засаленные волосы, рябое лицо – смотреть на это все было крайне противно, несмотря на вполне приличную одежду.

– Вам известно, чьей рукой было написано это обращение госпожи Марты Сирко в шелвикский отдел инквизиции? – Кастор приблизил к лицу Устина бумажку, испещренную почерком, который тот отлично знал.

– Да... – скривился Шинкарь, – Рукой моей... Но это она диктовала, я не причём.

– Ваше положение, дорогой мой друг, очень тяжелое. Потому как следствие пришло к следующим выводам. Сирота Лия не является на самом деле ведьмой, и никаких доказательств этого никем представлено не было. Поэтому данное обращение уже само по себе ложно, а значит преступно. Далее... Детектив Грейс, прибывший для проведения следствия по этому ложному обращению, исчезает. Скорее всего, он мёртв, в этом я почти не сомневаюсь. Мы еще не вполне установили вашу мотивацию, но понимаете, есть такая удобная формулировка "по наущению дьявола". С такой формулировкой, мы сожжем на вашем грязном майдане и Марту Сирко, и вас, дорогой мой сударь Устин Каш! – Кастор зло ощерился, обнажая верхний ряд зубов. Самое страшное лицо, которое можно было увидеть в этой части света.

– Да вы что... – затрясся шинкарь. Я не знаю, что они там хотели, эти Сирко. Моё дело какое... Написать. Я не знаю ничего.

– Ложь совершенно вам не поможет. – покачал головой комиссар. – Брат Рорик, доставай инструменты.

Маркус оживился, потер руки, и отправился доставать походный набор для дознания.

– Я скажу всё, что знаю, ваше святейшество! Ради Бога Иисуса Христа, и Пречистой Его Матери! – заверещал Устин.

– Я весь внимание, сударь мой Каш.

– Марта просто приревновала мужа к этой шлюшке. – указал шинкарь на Лию. – Они с августа еще вечеряли. Он у Анки-то почитай через день бывал, подарки делал. Ну Марта и не стерпела, пришла ко мне писать жалобу. Вот дура же, и я дурак, что ввязался.

– А что Паул, у них же вроде с Паулом что-то было?

– Может же было, она же шлюшка!

Кастор потер висок, и наклонившись к Устину, шепнул ему на ухо:

– Еще одно грязное слово в её сторону, и Рорик отломает тебе палец, просто так.

– Я понял, понял... – зашептал с готовностью шинкарь и продолжил уже в голос. – Так вот, ваше Преподобие, ничего доподлинно про Паула неизвестно. Кроме того, что пропал в начале января.

– До или после исчезновения Грейса?

– Знаете, в то же самое время...

– Паул убивает Грейса и исчезает... Почему? – уже скорее самому себе задал вопрос Кастор, но взглянув на Лию, снова пришел к верной мысли.

– А как шло следствие, Грейс пришел к каким-то выводам? Бумага Марты сработала?

– Я вам так скажу... Марта хорошо заплатила вашему инквизитору, что бы этой... Лии больше не было в Сборри. И здесь даже Агафон ничего не мог сделать. А он в Шелвик мзду отсылал, еще что бы Анку не трогали.

– И Грейс должен был Лию арестовать.

– Ну, по тому, сколько я Марте ссудил, он мог бы Лию и сжечь, полагаю. Это была бы честная сделка.

– Паул любил её, и не мог этого допустить. Сколько ему лет?

– Девятнадцать, Ваше Преподобие.

– Ну что братья, поздравляю, с этим мы разобрались. – улыбнулся, наконец, Кастор.

Однако Устина еще долго не отпускали. В котелке закипел глинтвейн, и ароматное пряное питьё разлили по кружкам, одну из которых вручили Лии. А между тем, разговорившийся Шинкарь подробно рассказал о том, как Агафон покрывал Анну, оплачивая шелвикскому отделу спокойствие ведьмы. И о том, как связь с Лией перешла всякие разумные границы, и Анна отказала Агафону в том, что бы он поселил Лию у себя. А потом Анна умерла.

– Нам бы нужно посмотреть на могилку Анны. – сказал Кастор. Это обещало быть самой интересной частью следствия.

– А не знает никто где у неё могилка. Её хоронили двое, так их прямо в лесу загрыз кто-то. Может на шатуна нарвались, того никто не знает.

– А у них-то могилка есть?

– Есть, прямо там в лесу, неглубокая по зиме-то. – кивнул Устин.

– Значит так. – стал распоряжаться Кастор. – Брат Рорик, шинкаря отведи к сентинелам. Скажи им, что бы никаких разговоров с Мартой у него не было.

– Само собой.

– А мне, пожалуйста, тоже глинтвейна. Немножко отдохнём и пойдем проводить эксгумацию. – комиссар взял освободившийся табурет и подсел к огню рядом с Лией.

3. Расследование.

Идти на место захоронения неудачливых могильщиков пришлось около получаса. На юг от Сборри и в сторону от синестольского тракта, по узкой тропе среди заснеженных полей. Затем тропа доходила до края леса и ныряла под мрачное сплетение голых крон.

Уже близилась весна, ветер был свеж, но не морозен, и дышал влагой. Скоро запоют птицы, потечёт вода, и дороги превратятся в непроходимое месиво, и это в то время, как в Альдене можно будет перейти Артерику по льду.

Хутин-лес, как его здесь звали, назывался так со славянского наречия, и означало это плохое, скверное место. Собственно там и жила Анна со своей дочкой, там же её и хотели похоронить. Темные стволы спящих деревьев, сухие остовы мертвого подлеска, гладкие неподвижные волны неглубокого снега. Ничего особенного, но скверна всегда ощущалась Кастором, и здесь она была разлита повсюду.

Кроме двоих инквизиторов и интернов, на эксгумацию шли пара мужиков и, по настоянию Кастора, сам голова Агафон Сирко. Еще увязался в лес его заместитель Проскур, и тот самый олух, горевший желанием помочь "господам преподобным".

Комиссар пока не разговаривал с Агафоном о деле, их ждала обстоятельная беседа этим вечером.

– Вы очень торопитесь, Ваше Преподобие. – мрачно проговорил голова, озираясь под сенью зимнего леса. – Пообжились бы, присмотрелись... Как мы живем, каков уклад.

– Нет никаких укладов, господин Сирко. – ответил Кастор. – Есть Закон Божий и Закон Имперский, милостью Божией сопряженные в симфонию. Я привожу их в действие.

Вот в стороне от тропы затемнел сруб покинутой избы, жилище Анны. Хорошо бы сказать, усопшей, но это была не правда. Вокруг избы ни забора, ни двора.

– Я хочу зайти внутрь. – проговорил комиссар.

Деревенский олух расторопно подскочил к заколоченной двери, быстро выдрал доски, перекрывавший вход, и распахнул скрипучую дверь перед инквизитором.

В тёмной промерзшей избе ничем не пахло, но всё оставалось нетронутым. Меховая постель в дальней коморке, вдоль стен горшки и кадки. .. На виду никаких книг нет, да и откуда здесь книги? Деревенское ведьмовство невежественно и грубо, без теории, без кодификации. По сравнению с городским оккультизмом, оно вызывало лишь брезгливую жалость.

– Так от чего умерла Анна? – спросил Кастор, стоя посреди передней.

– Да кто её знает, померла и всё. Так-то не старая еще была... – ответил Проскур.

– Завтра сжечь здесь всё.

– Сделаем, Ваше Преподобие.

От анниной избы по неглубокому снегу, через зазоры в кустарнике и деревьях, прошли еще немного. На небольшой прогалине, в кругу хищно склонившихся вокруг деревьев, обнаружился заснеженный бугорок, это и была могила погибших селян. Все замерли перед захоронением, мужики боязливо переглядывались, а голова вообще был мрачнее тучи.

– Ну и чего мы ждём, пока они сами вылезут? Ответственно заявляю, этого не произойдёт. – съязвил комиссар, и мужики принялись копать. Собственно копать там почти и не надо было, разве что немного разгрести замерзшие куски мха и дёрна, вот и одежда показалась. Когда разгребли побольше, у мужиков стали трястись руки, а Агафон с Проскуром, и даже восторженный деревенский олух отошли подальше. Интерны помрачнели, и лишь Кастор лишь слегка приподнял бровь.

– Ну свалите этого в сторону, он же второго мне закрывает. – проговорил инквизитор, и мужики лопатами разделили два окоченевших тела.

На обоих трупах отчётливо видны были увечья, приведшие их к смерти. У одного парня на лице остались только белёсые застекленевшие глаза, и верхняя часть носа. Ниже розовели лохмотья розовой плоти, вместо половины лица. На побуревшей от крови стёганке дыра в области груди. Кастор был уверен, что сердца в трупе нет. Второй мужичок имел внушительный пролом в черепе и развороченную глотку, торчавшую краями раны из-под бороды.

– Братья интерны, обратите внимание, – проговорил Кастор после недолгого молчания – у этого парня разорвано горло, но стёганка не залита кровью, и вообще по сравнению с этим красавцем труп чистенький. Я думаю, что если им дать оттаять, мы обнаружим что в нём вообще крови осталось немного.

– А у второго почему не так? – спросил Аполлос.

– Ну, во-первых, его Аннушка убила первым. Схватила за лицо, может быть когда наклонился. Пока этот обливался кровью, конечно еще живой, она догоняет этого, и бьёт его по голове. Спокойно разгрызает горло, пьёт свежую кровь. Крови много, но двух человек ей не выпить в любом случае. Она возвращается к первому, сомневаюсь, что к тому времени он был в сознании, видит, что крови с него уже не взять, да и не лезет больше, и просто жрёт его сердце. Деликатес, знаете ли. Брат Аполлос, что можно сказать об Аннушке, судя по всему этому?

– Десмод, некрон. Пятая или шестая степень obsessii... Сила удара большая. – неуверенно ответил интерн.

– Шестая, конечно, если она некрон. – вздохнул Кастор. – Впрочем, вечером сами на всю эту прелесть и посмотрим. Идёмте к Аннушке. Брат Рорик, дай угадаю, Лия гуляла где-то неподалёку?

– Так точно. – кивнул Маркус. – Тут где-то озерцо замерзшее, она вдоль берега прохаживалась.

– Логично. Конечно же озеро. – усмехнулся Кастор и обратился к мужикам. – Закапывайте этих обратно, если хотите, и можете возвращаться в село. А мы идём в гости к Аннушке.

Лесное озеро действительно оказалось неподалёку, но что бы добраться до него пришлось вернуться на лесную тропу и пройти чуть дальше заброшенной избы, сделав хорошего крюка. Уже сгушались сумерки, всё еще по-зимнему ранние, хотя и не настолько, как в Альдене. Воздух наливался синевой, расплзались по снегу тени, скрадывая лес в отдалении, сжимая вокруг людей область видимости. Плохой это был лес, и где-то между стволов мерещилось всякое. Хотелось уйти отсюда поскорее, туда, где горит огонь очагов, где теплится жизнь.

– Надо возвращаться, вечерет. – заметил Агафон.

– Боюсь, что вернемся мы сильно за полночь. – ответил комиссар, глядя вверх. – Но нам повезло, небо чистое, и луна еще полная. Лучше и не придумаешь.

– И что мы будем делать до ночи? – еще мрачнее обычного спросил голова.

– Ждать, сударь. Ждать и беседовать...

Но вот и лесное озерцо, средних размеров, шагов сто в широком месте, но как сказали местные достаточно глубокое. Водилась в нём и рыба, но здесь её никто не ловил, потому как в Хутином лесу никто не любил оставаться подолгу, разве только мимоходом. Сейчас озеро было еще замерзшим и заснеженным, однако приглядевшись можно было заметить, что по его белой глади прочерчена вереница недавних следов, ведущих прочь от берега. Кастор жестом показал следовать за собою.

– Будьте наготове. Еще светло, но случается... – предупредил он, и сняв с плеча свой меч-полуторник, с шелестом совлек с него ножны.

В сумеречном свете блеснула голубоватая даггерская сталь, превосходнейший из оружейных металлов, уступающий только боровскому булату. Не менее ценной была и реликвия, помещенная за стеклом в перекрестье гарды – мощи святого Трифона. Учитывая, что сам этот святой почивал далеко за границей враждебного Мегалона, это была особенная ценность.

Таким раритетным клинком, который сам по себе стоил огромное состояние, но не имел имени, Кастора наградила сам Прелат Святой Инквизиции Альдена, за искоренение общества алхиманов. История меча была неизвестна, но по экспертному заключению, создан он был полтора века назад после падения Ириды, когда мегалийская реликвия могла попасть в руки альденийцам.

Клинки у Маркуса и интернов были гораздо проще, хотя и их сталь была не дурна, а у секунданта в рукояти меча тоже имелась частичка чьих-то мощей. Вслед за комиссаром каждый из них обнажил своё оружие.

Ближе к середине озера во льду обнаружился пролом, в котором темнела едва схватившаяся по поверхности тёмная вода. Комиссар не стал подходить близко, и отставив руку в сторону остановил следующих за ним.

– Ну, братья интерны, кто мне скажет, что здесь происходило? – проговорил он негромко.

– Думаю Лия приходила сюда, что бы поделиться кровью со своей матерью. Мать находится непосредственно в воде, и выходит только, что бы подпитаться. – ответил Натан.

– А она нас не заметит? – спросил Аполосс. Парень был весьма напряжён, ожидая что чудовище может вырваться из-под льда в любую минуту.

– Она нас уже заметила. В фазу полнолуния они не спят. – усмехнулся Кастор. – Более чем убежден, что сейчас она прямо под нами, прислушивается к нашим голосам. Что ей мешает вырваться?

– Фотофобия. – ответил Натан.

– Во-первых да, без особой нужды она не вылезет даже в сумерках. Во-вторых, нас слишком много: у некронов хорошая интуиция, и они бывают очень осторожны. Но мы её перехитрим, конечно. Возвращаемся к берегу.

Агафон с Проскуром и олухом на лёд не выходили, зябко сутулясь на краю озера, и когда инквизиторы вернулись, голова спросил только:

– Ну что, Преподобие, нашли что искали?

– Двух зайцев поймал. – усмехнулся Кастор. – Проскур, вы с парнем можете возвращаться в деревню. А вы, Агафон, арестованы.

– Это что еще такое? – злобно спросил голова, без тени страха, скорее с плохо сдерживаемой яростью. Проскур взглянул на тестя с беспокойством, а олух поспешил убраться, как ему и было сказано.

– Это арест. Вы арестованы, предварительно, по обвинению в коррупции и покровительстве практикующего малефика. У нас в озере сидит мощная нежить, это дело категории С. Если бы ведьма была арестована раньше, это была бы категория А, но вы довели до того, что сюда нужно вызывать целую команду для ликвидации. – мрачно сказал Кастор, и перевел взгляд на Проскура. – А вы, может быть хотите что-то нам сообщить? Если нет, то повторяю: возвращайтесь в деревню.

Голова оглянулся на заместителя и многозначительно двинул бровями, отправляя его прочь. Проскур кивнул и ушёл.

– Никто этого не хотел... – проговорил Агафон, когда Проскур удалился. – Мы хотели избавиться от неё.

– Всё достаточно просто. Метаморфоза в некрона произошла по причине внезапной смерти. У развитых малефиков, при мощной obsессии, смерть обычно сопровождается исхождением демона. В случае с ведьмами фамильяр может переходить к наследнику, сообщая ему силу. Обычно это условие соглашения с ведьмой: заключая союз с фамильяром, она обязуется предоставить ему и наследника. Очевидно, наследницей анниного демона должна была стать Лия. Но что-то пошло не так... Анна скончалась скоропостижно, одномоментно, не успев ни передать фамильяра, ни дать ему выйти. Демон сохранил власть над нею, и после смерти просто овладел её телом. Это уже obsессия шестой степени, и вот у нас мощный некрон.

– Никто не знал... – глухо отозвался Агафон.

– Вы убили Анну, и хотели закопать её в лесу, но она сама растерзала могильщиков и скрылась в обычном убежище. А между тем вы знаете, что внесудебная расправа над ведьмами, это тоже уголовно наказуемое преступление. По счастью, она была действительно ведьма, не всем самоуправцам везет так как вам. Поэтому наказание по этой статье может быть мягче. Знаете, на всём этом фоне, я даже не буду вас судить за супружескую неверность, хотя и за это мог бы. Объясните мне только одно, почему вы вдруг решили убить вашу ведьму? Вы же с ней неплохо ладили.

– Я обеспечил этой суке безопасность и достаток – зло ответил голова. – Всё, что бы она отдала мне девочку. Но она упёрлась...

– А не проще было просто сдать её инквизиции?

– Она успела бы меня проклясть пока её арестовывали. Так и сказала. .. Я стал бояться её. Её убили быстро, так что бы она даже ничего не поняла.

– Проклятая деревня... – вздохнул комиссар. – а что с бедолагой Грейсом? Его тоже вы, что бы защитить девочку?

– Я не безумец, что бы убивать инквизитора. – покачал головой Агафон.

– Конечно. Ваш сынок был достаточно для этого безрассуден. И скорее всего сейчас нанимается в батраки где-нибудь в Синестоле. Мне нужно знать только, где искать Грейса, что бы закрыть уже это дело.

– Этого я не знаю. Те, кто помогал ему... убрать, они тоже не в деревне.

– Ладно, господин Сирко. При том, что вы участвовали и в сокрытии убийства детектива Грейса, а в совокупности это всё тянет на петлю, я окажу вам снисхождение. Вы получите шанс остаться в живых. – примирительно ответил комиссар.

– А я сразу сказал, что голова виновен. – заметил Маркус интернам. – Учитесь, сынки. Можно было бы просто сжечь его без всякой канители.

Между тем план Кастора был таков. Дождаться луны, с помощью Агафона выманить из озера Аннушку и прикончить её. Интерны принесли из избы сухих дров и хвороста на растопку, и невдалеке от озера устроили костёр. По небу уже заблестели первые звёзды, мрак затопил лес, но когда в тёмном вечерющем лесу заплясал живой трескучий огонёк, стало немного полегче, хотя никто не мог сбросить напряжения. Сила некрона была до конца не ясна, а силы отряда могли оказаться недостаточны.

– Может быть нам сентинелов подтянуть? – предложил Рорик. – Что они там этих дураков стерегут, здесь бы больше пригодились.

– Да Бог с ними. – устало ответил Кастор, доставая из рюкзака ломтик вяленого мяса. В этот день во рту у него не было ничего кроме кружки глинтвейна. – Справимся. Кстати... Анна вероятно попытается скрыться обратно, в озеро, прицепи веревку на болт. Может помочь в этом случае.

– Сделаем. – согласился Маркус.

Неожиданно в отдалении замелькали огни факелов, и скоро к костру вышло человек десять деревенских мужиков. Все они были своеобразно вооружены, кто вилами, кто дубьём, и выглядели весьма угрожающе. Интерны взялись было за мечи, но Кастор жестом их успокоил и, встав, сам обратился к нежданым гостям. Позади них маячил никто иной как Проскур.

– Пришли освобождать Агафона? – спросил инквизитор спокойно, без тени угрозы.

Мужики хоть и выглядели угрюмо, все-таки не решились атаковать сходу, и теперь, кажется, утратили инициативу. Сам голова взирал на всё это молча, не приказывая мужикам и словно выжидая, чем все кончится. Заговорил Проскур:

– Ваше Преподобие, делайте своё дело, но господина Сирко вы должны отпустить. Мы не позволим вам чинить здесь произвол.

– Слушайте меня, жители Сборри. – заговорил Кастор, не в ответ заместителю. – После того, как я достану меч, все закончится только одним. Вашу деревню, ваши дома сожгут, вместе с вашими бабами и детьми. А вас самих выпотрошат на вашем же майдане. Или вы хотите потом бежать в Синестол и нищенствовать там? Идите домой, к своим семьям, к милым очагам.

Мужики стоявшие позади, почесали затылки, и покачивая головами растворились в сумерках. Те, что были спереди оглянулись, и увидев что остаются одни, тоже молча удалились. Проскур замялся было, но как только от костра поднялся Маркус, уже стиснувший в руке топорик, и заместитель припустил прочь бегом.

4. Решения.

– Ваше Преподобие, – заговорил Аполлос Кастора, подгребая веткой угли в костре. – А какого самого опасного монстра вы встречали в своей практике?

– Детский вопрос, брат Аполлос. Невозможно сравнивать степень опасности, если монстр с большой вероятностью может тебя убить. А таких было много... И я тебе так скажу, при плохом стечении обстоятельств, одержимый ребенок может быть более опасен, чем инкарнированный демон. Опасность противника всегда зависит от твоей готовности и условий.

– Ну вот Анна, насколько опасна?

– Полагаю, узнаем когда закончим. Её будет не просто упокоить, она не чувствует боли, и физически сильнее любого человека, наверняка очень быстра. Прежде всего надо будет разрушить её мозг, сделать невозможной регенерацию. Вам нужно будет прежде всего наблюдать, по крайней мере, пока я не потеряю контроль над ситуацией. И в том случае действовать будет прежде всего Рорик, только потом вы. Все может пройти легко, а может и очень плохо, тут как Бог даст.

Небо окончательно стемнело, покрылось бисером холодных звёзд, а снег засиял голубым светом, пересеченным древесными тенями. Крадучись, проглядывая сквозь ветви, на небо вползало безглазое лицо луны. Никто не мог до сих пор сказать, ни учёные, ни богословы, почему ночное светило придавало силы демонам, но опыт давно уже возвел это обстоятельство в степень закона. Полнолуние время силы и жажды, когда духи получали власть над миром людей.

– Нам пора братья. Гасите костёр. – встал Кастор, и лицо его приняло еще более холодное выражение чем обычно. – Господин Сирко, вы должны будете нам помочь, сейчас я объясню как.

По пути к озеру инквизитор кратко и доступно изложил голове, что от него требовалось.

– Вы используете меня как наживку... Это же смерть... – побледнев проговорил Агафон, и здесь даже голос матёрого, сурового мужика дрогнул.

– Совсем не обязательно. У вас есть шансы, и тут уж как судит Бог. Если Он вас помилует, помилую вас и я.

Голова ничего не ответил, а лишь взял из рук инквизитора обоюдоострый кортик, и направился от берега к зловещему отверстию во льду. Шел ровно и уверенно, несмотря на то, что испытывал ужас. Лунный свет превратил озерную гладь и лес по его краям в мертвенный пейзаж, зловеще тихий, неподвижный. Лишь тёмная фигура Сирко двигалась на середину бледного простора.

Маркус, вооруженный арбалетом, отошел назад и в сторону, скрывшись за корневищем поваленного дерева. Интерны залегли за кустами в противоположной стороне, прямо в неглубокий снег. Им оставалось только надеяться, что лежать придется недолго.

Барроумор проводив Сирко взглядом, отошел за ближайшее дерево, неподалёку от интернов. В одной руке он держал обнажённый меч, в другой топорик.

Голова, наконец, достиг проруби, а вернее пролома во льду, и склонившись над его черным глазом, легко разбил кортиком едва заметный ледяной наст. Вода слабо плеснула под лезвием. Затем Агафон протянул левую руку, задрал рукав, и тем же самым кортиком быстро и сильно полоснул по предплечью, стисну зубы от боли, но не издав ни звука. Потекла, заструилась теплая густая кровь, закапав прямо в темную озерную воду, незримо растворяясь в ней багровыми разводами.

Сирко быстро встал и заспешил прочь, обратно по своим следам, перейдя даже на бег.

Все напряженно смотрели, как голова приближается к берегу. Ему оставалось буквально шагов пятнадцать, а дальше спасительные лес. Но что же Анна? Отреагирует ли она на кровь,

устремится ли за жертвой? У всех уже зародилось сомнение в этом, казалось, Агафон благополучно убежит с озера.

Но нет. Лёд взорвался чуть позади и слева от головы, взметнувшись вверх белым фонтаном, и в воздух взмыла поджарая бледная фигура с хищно разведенными руками, готовыми тут же схватить или ударить жертву. Агафон услышав шум сзади, взревел и попытался бежать быстрее, но подскользнулся на льду и упал на колени. Меньше чем за мгновение нежить обрушилась ему на спину, распластав под собой.

Внешне это была еще не старая стройная женщина, совершенно белая, одетая в длинную, разорванную по бедру сорочку. Длинные чёрные волосы свисали острыми локонами, но можно было разглядеть и страшное перекошенное лицо с запавшими глазами и отвисшей челюстью, чёрный рот с жуткими нечеловеческими клыками.

Анна завизжала, взвыла леденящим кровь воплем, припадая к шее Агафона. В следующий миг Рорик выскочил из-за корневища, пробежал пару шагов и упал на колено, прицеливаясь. Нежить обратилась к нему, роняя с подбородка багряные капли, и в следующее мгновение, выдохнув "Кірие", Маркус спустил курок. Болт с веревкой метнулся подобно длинной тонкой змее, и с глухим ударом впился в грудь Анны, сбивая её с Агафона.

Кастор уже бежал к ней, что бы как можно быстрее оказаться на расстоянии броска. Анна между тем быстро вскочила на четвереньки, посмотрела на мчащегося к ней комиссара и попятилась. Она чувствовала, что этот человек несёт с собою незримое пламя, которое обожжет, поглотит, причинит боль.

Маркус тем временем перехватил веревку, и с неожиданной прытью отскочив назад дернул к себе. Анну шатнуло вперёд, но она схватилась за торчащее охвостье болта, к которому с помощью карабина был пристёгнут конец верёвки. Одним усилием нежить вырвала стрелу, прошившую её насквозь, выдирая у себя изнутри обрывки тканей, выплескивая наружу чёрную трупную кровь. Рана была страшной, и должна была ослабить даже умертвие, но больше Анну ничего не держало.

Она снова обернулась к Кастору, который прыгнув от берега, проскользил по льду и метнул в неё свой топор. Один оборот в воздухе и орудие со звонким стуком ударило нежить в череп. Она взревела, не от боли, от ярости, пошатнулась, схватилась за топориче и выдернула его, обнажая черную зияющую щель через правую глазницу и лоб, наискосок. Кастор был уже рядом, и исполненная ярости Анна ударила его вооруженной рукой.

Взмах меча, с одновременным падением на колено, и рука Анны вместе с топором отлетела далеко в сторону. По инерции нежить развернуло, она сама потеряла равновесие, и рухнула на бок, спиной к инквизитору. Тот не поднимаясь рубанул ровно сверху, так что даггерская сталь вошла глубоко в лёд, а длинноволосая голова, оставив шлейф чёрных брызг, оказалась под сапогом у Рорика.

– Чистая работа, Ваше преподобие – подытожил секундант.

– Благодарю. – усмехнулся Барроумор, извлекая меч изо льда. – Как там Агафон, мертв?

Агафон, однако, был еще жив, но лежал недвижно, рядом с его головой багровел пропитанный кровью снег.

Между тем тело Анны село, отползло на четвереньках в сторону по льду, и все-таки окоченело шагах в десяти.

Рорик насколько мог быстро достал перевязочные пелены, и принялся помогать Агафону, а вышедшие из укрытия интерны рассматривали останки умертвия. Впрочем, голову было сложно назвать останками, поскольку она и будучи отсеченной не вполне упокоилась. Анна продолжала зыркать уцелевшим левым глазом и клацать клыками.

– Может быть добить? – предложил Аполлос, глядя с отвращением на эту мерзость.

– Ни к чему это. – возразил комиссар, наблюдавший за стараниями Маркуса, и подошел к голове. – Как вы можете видеть, демон по каким-то причинам не покидает своего последнего пристанища. Если честно, даже я затрудняюсь сказать, почему. Но в любом случае, нам незачем его освобождать, чем дольше он просидит в этом черепе, тем лучше. Да и в управлении за трофеей вы сможете получить хорошую премию.

– Мы возьмём это с собой? – удивился интерн.

– Да, пока положим в брезент и будем держать на холоде. Потом разживёмся бочонком, а лучше банкой.

– А не прогрызёт она мешок-то?

– Может и прогрызёт... – задумчиво сказал Кастор, поднимая голову за волосы. Анна уставилась на него поблекшим глазом, высунула черный гибкий язык. Зубы у неё были действительно развиты, и челюсть работала исправно.

– Брат Натан, подайте топор, пожалуйста... – распорядился комиссар. Через пару минут несложных операций, голова Анны уже ничего и нигде прогрызть не могла. Между тем Рорик закончил с перевязкой Агафона, который уже начал стонать и грязно ругаться.

– Братья, вы можете забавляться с бабской головой сколько вам вздумается, но если мы хотим сохранить голову Сборри, нам надо поторопиться дотащить его до дома. Он потерял много крови.

– Да, конечно! – согласился Кастор и бросил голову Анны Аполлосу. – Упакуй, пожалуйста. Брат Натан, помоги брату Рорику тащить господина Сирко.

Сборри к возвращению инквизиции уже практически погрузилось в сон. В некоторых окнах тускнели отблески лучин, но в целом с наступлением темноты люди здесь старались улечься на ночь. Разумеется, никаких нарядов на выездах из села уже не было, хотя Кастор не давал распоряжения их снимать.

Пока дошли до Майдана, вообще не встретили ни одной живой души. Только там найти усердного олуха, который помог дотащить до Агафона до его большого дома.

– Полагаю, теперь разместимся здесь. – сказал Кастор, остановившись у крыльца. – Боюсь, в нашей хате местное население может нам устроить сюрприз. Значит так, братья интерны, возвращаетесь в хату, собираетесь, и подаёте Дормез сюда. Брат Рорик, пойді распусти изолятор, все могут быть свободны кроме Лии. Девчонку вместе с сентинелами сюда. А я пока пойду зайду в дом, осмотрюсь.

Распорядившись, комиссар зашел внутрь дома. Входная дверь вела в просторные сени, уставленные сундуками, на которых могли бы вполне разместиться на ночлег крупные люди. На стенах висела конская сбруя, под ногами пестрели добротные вышитые половики. Пахло приятно, сухим деревом и немного благовониями. Из сеней можно было пройти через противоположные двери в разные части дома. Кастор не успел задуматься над тем, куда пойти, как к нему сама вышла коренастая и плотная девка, еще молодая румяная, с толстой блестящей косой и вздернутым носом на круглом лице.

– Это, святой отец, вы чо хотели? – спросила она озадаченно.

– Ты здесь работаешь? – поинтересовался Кастор.

– Ну так-то помогаю господам по дому.

– Думаю скоро тебе придется помогать другим господам... Ну, я думаю, тебе-то какая разница. Кто сейчас есть в доме?

– Ну чо, я вот, Манька, Аська... Вот Пронька господина Агафона принес раненного. А вон там живет господин Проскур с семьей-то. И Кукша там их, помогает тоже.

– Спасибо, милая. Мне как раз туда. – улыбнулся инквизитор, и зашел в указанную дверь, на проскурову сторону.

В просторной передней царил полумрак, озаряемый только маленькой лампадкой в красном углу. Однако можно было различить крепкий стол, лавки вдоль стен, а на лавках лежащие под покрывалами фигуры людей. Кастор звучно откашлялся, заставляя одну из фигур привстать.

Это была крупная с широкой костью женщина:

– Проску-ур! – напуганно позвала она, уставившись на вооруженного инквизитора, ввалившегося в дом ночью.

– Благодарю вас, он мне и нужен. – кивнул Кастор. В противоположном конце комнаты находилась еще одна дверь, ведущая в дальние покои, и оттуда на голос женщины вышел мужчина, но не Проскур. Это был крепкий плечистый мужик с небольшой лысой головой на мощной шее, и выглядел он весьма угрюмо.

– Кого еще?

– Комиссар Кастор, если вы не заметили. – представился Барроумор и сам направился к двери откуда вышел мужик. – В сторону!

Однако мужик комиссара не пропустил, заступив ему дорогу.

– Извольте убраться, ваше Преподобие. – нагло проговорил селянин, – Время позднее, завтра придёте.

Полумрак скрадывал движения, и позволял нанести внезапный решающий удар. Кортик, тот самый, который недавно был у Агафона, одним движением выскользнул из петли на поясе и с хлопаньем рассёк мужику лицо. Несчастный завизжал неожиданно тонко для своей комплекции, закрывая лицо руками и наклоняясь к полу, кровь его обильно заструилась сквозь пальцы на половики. Комиссар пихнул его ногой на бок, освобождая себе путь, и вошел, наконец в дальний покой. За спиной его уже ревели разбуженные дети и причитала в истерике женщина.

Следующее помещение было значительно меньше, здесь топилась печь, имелся небольшой письменный стол, но Проскура здесь уже не было: следующая дверь, ведущая в боковой притвор, осталась слегка приоткрыта. Кастор метнулся в неё, пролетел сквозь темный притвор, уронив какую-то кадку с мерзкой квасной жижей и вылетел на двор. Проскур удирал уже за плетнем, тщаь скрыться и инквизитор помчался за ним, сбросив во дворе перевязь с мечом. Через улочку, в проем между двумя хатами, дальше на перекресток... И... Нет. Проскур исчез, хотя лунный свет заливал Сборри так, что видимость была не хуже, чем в ранних сумерках, разве что тени были глубоки и черны как абсолютная тьма.

– Проклятье... – сквозь зубы сказал Кастор, однако уходить не спешил. Заместитель головы был где-то здесь, притаился как крыса в тени, за плетнем, ожидая возможности бежать дальше. Но комиссар так легко сдаваться не собирался.

– Слушай меня, Проскур! Ты хочешь оставить семью и бежать? А твои дети? Дети преступника, беглеца? Говорю тебе, если ты сбежишь, я засуну их в самый грязный приют Остера, где они будут жрать по гнилой луковиче на обед пока не сдохнут от цинги. А твою жену я арестую по обвинению в пособничестве, и будет она санитаркой в пограничном гарнизоне. А в твоём доме будут жить совсем другие люди, Проскур! Выйди сюда, и Господь свидетель, твоей семье ничего не коснётся.

Из-за плетня поднялась сутулая головастая фигура.

– И вы... вы смеете после этого называть себя служителем Бога? – тихо, но зло проговорил заместитель.

– Конечно. – ответил Кастор, – Отцы едят кислый виноград, а у детей на зубах оскомины. Ты сделал правильный выбор. Если не будешь больше глупить, все закончится хорошо даже для тебя.

Через пол часа вся инквизиционная комиссия, включая сентинелов и кучера, была размещена в доме головы. Прибыл так же местный лекарь, уже пожилой мужичок, который занялся

Агафоном, которому становилось все хуже, и между делом перевязал Кукшу, того самого наглеца, которому Кастор разрубил нос.

Сам Комиссар вместе с Рориком в том самом покое, где ютился Проскур, устроили для него допрос.

Мерцающая и дрожащая горела трескучая толстая свеча. Заместитель сидел со связанными руками у печки, Кастор восседал за столом, а Маркус, сложив на груди руки, стоял в углу, готовый приступить к физическому воздействию при дознании.

– Всё очень просто, Проскур. Ты не просто обвиняешься в препятствовании расследованию, и организации покушения на членов инквизиционной комиссии. Я, в рамках данных мне полномочий, признал тебя виновным и приговорил к казни через повешение. Вот готовый документ, с имперской печатью. – Барроумор продемонстрировал арестанту добротную грамоту, с округлой нашлепкой сургуча.

– Вы же сказали... – возразил Проскур.

– Знаешь, повешение для тебя это тоже хороший исход. Допустим брат Рорик мог бы предварительно выбить, а вернее вырезать из тебя какие-нибудь сведения, и это в рамках протокола. Но мы просто тебя повесим. Впрочем, я не настолько коварен. .. Мне нужна информация относительно судьбы детектива Грейса. Как он погиб, и где мне искать его тело. Если тебе будет чем поделиться, то я оформлю тебе амнистию и ты займешь место Агафона. Если нет, то прости, приговор останется без изменений.

– Я скажу всё, что знаю. – заговорил Проскур с готовностью. – Ваш инквизитор крепко взялся за ведьмину девку. Приказал её арестовать, и должен был увезти по утрам в Шелвик, где её ждали допросы и казнь. Но за ней тут ухлестывал шуринок мой, Паул. Дурачок... Околдовала она его, похоже. Он в ночь пошел к инквизитору, хотел дать ему на лапу, но что-то пошло не так и он прямо в избе заколол его шилом. Потом прибежал сюда в ужасе, к Агафону. Агафон послал с ним Кукшу, того, которого вы порезали. Они вдвоем что-то сделали с телом, а по утрам Паул уехал в Синестол. Хотел забрать с собой Лию, но Агафон её не отдал, пригрозил выдать сынка инквизиторам. Вот и всё, что знаю.

– Знаешь... Ты мне не нравишься. – проговорил Кастор. – Но если я перестану держать слово, это плохо скажется на моей репутации и осложнит работу в дальнейшем... Поэтому, господин Проскур, можете быть свободны. Брат Рорик, развяжи его, и давай сюда Кукшу. Оказывается, мы с ним не договорили.

5. Завершение.

На следующее утро в Сборри царило оживление. Во-первых, в селении впервые за двадцать лет сменился голова, теперь на эту должность неожиданно вступил Проскур. И это при том, что по слухам, вчера он был арестован и едва не казнён. Буквально преобразившись, куда более важный и деловитый чем раньше, он теперь раздавал распоряжения, помогая инквизиции и принимая заискивания от селян в виде разнообразных подношений.

Во-вторых с самого утра стало известно о двух чрезвычайных мероприятиях. Первым было сожжение аннинного дома в Хутином-лесу, куда отрядили для этого троих мужиков под надзором Маркуса. Вторым, и куда более особенным событием было обретение тела убитого инквизитора Майкла Грейса. Паул с Кукшей не сильно утруждали себя, избавляясь от тела и имущества убитого. На дворе хаты имелось отхожее место в виде деревянной будки над ямой, и собственно в эту яму свалили и труп Грейса, и все его вещи.

Поглядеть на небывалое зрелище сбежалась практически вся деревня, наполнив толпою тесный двор на отшибе. Спереди стояли мужики, из-за их плеч выглядывали бабы, и несмотря на все их усилия не допустить детвору, маленькие любопытные головки просовывались то тут, то там понизу.

По приказу Кастора двое из селян, одним из которых был уже привычный олух Пронька, снесли будку и стали рыться баграми в открывшейся земляной дыре. Вскоре на поверхность вытащили маленькое тщедушное тело, почти не замаранное и не испортившееся, в силу зимнего времени и того, что ямой давно уже не пользовались.

Грейс оказался щуплым мужичком, со жидкими пшеничного цвета волосами. Одет он был в простой кожаный камзол, ныне с темными пятнами крови, и конечно имел багряную инквизиторскую ленту перекинутую через плечо.

Кастор смотрел на этот знак, знаменующий собою служение меча и факела, а ныне замаранный кровью, грязью и дерьмом, и в душе у комиссара вскипал гнев. То лежал перед ним не детектив-неудачник, то лежали перед ним десятки братьев, отдавших свои жизни в чащобах Мистериона, на тропах Вестера, в грязных подвалах и сырых склепах, в потерянных руинах и диких пещерах, повсюду, где зарождалось и гнездилось самое зло. Вот, все они сейчас были попораны и унижены в этой треклятой деревне на краю Империи.

Первым желанием было взять хотя бы Кукшу, подвесить за ноги и собственноручно выпотрошить, как свинью, с той лишь разницей, что свинью перед этим убивают. Захотелось нарезать его на полосы, и делать это медленно! ... Кровь и боль! Всё смывается кровью! ... Так, тихо-тихо... Господи Боже мой, избавь меня от лукавого.

Кастор прикрыл глаза и стал массировать виски, успокаиваясь молитвой. Его собственный демон не дремал, только и ждал, когда жертва окажется на краю, что бы лишь немного подтолкнуть её к падению. Случись это, и человек, призванный бороться с демонами, сам станет игрушкой в их руках. Именно поэтому каждый инквизитор с ученической скамьи помнил простое правило: в руке – меч, в уме – молитва, на сердце – мир.

Совладав с собой, комиссар сухо приказал приготовить убитого к погребению, а инквизиторскую ленту выстирать и передать ему лично. Нужно было отвезти её в Шелвик и передать в отделение инквизиции. В конце концов, честь инквизиции принадлежала именно этой ленте, обязывающей спасать и защищать, а не таскавшему её провинциальному взяточнику. Недолго поразмыслив, Кастор пришел к выводу, что Грейс вполне заслужил упокоения в деревне, по правилам которой решил играть.

Пока готовили похороны Грэйса, комиссар решил сходить к умирающему Агафону. Да, у Сирко не оставалось никаких шансов, и это понимали уже все. Если еще ночью он ещё мог передвигаться и позволять себе ругань, то сейчас просто лежал навзничь, глядя в потолок, и время от времени издавал протяжные стоны.

Умирал Агафон в просторном и светлом покое, чистом и опрятно убранном, на стенах которого имелись даже старые гобелены. Вокруг большой резной кровати собрались немногочисленные домочадцы – Марта с дочерью, проскуровой женой, и пара служанок. Единственный сын Паул, конечно, был сейчас далеко отсюда, и проститься с отцом не мог.

Когда вошел Кастор на него никто особо не обратил внимания. Зарёванная, опухшая от слёз Марта бросила лишь короткий взгляд на гостя, и продолжила тих рыдать над мужем. Инквизитор приблизился к Агафону, и бегло осмотрел его. Рана на шее, перевязанная лекарем ночью, очевидно воспалилась, и нездоровая пунцовая краска уже перекинулась на отекающее лицо. Губы старосты посинели, как и обострившийся кончик носа, все указывало на заражение птомаинами, обычное следствие укуса некрона. Возможно, если бы ночью старосту доставили в альденский госпиталь, там ему успели бы помочь гильдейские врачи. Но здесь и теперь Агафон действительно умирал.

– Господин Сирко, я полагаю вы крещены. – проговорил Кастор. – В таком случае самое время покаяться в грехах, что бы отойти к Господу с миром. А отойдете вы полагаю этой ночью, в крайнем случае завтра. Так судил Господь.

Голова застонал, замычал что-то невнятное, движение челюстью приносило ему страдание, а губы уже не слушались с левой стороны.

– Не утруждайтесь... Я вам помогу. – успокаивающе проговорил Кастор и положил на плечо Агафону ладонь. – Я буду называть возможные грехи, страсти, а вы, если знаете за собой что-то из этого, просто внутренне раскайтесь...

За пять минут Кастор систематично прошелся по всем семи ветвям страстей, очертив буквально все аспекты человеческого греха. Когда с этим было кончено, инквизитор расстегнул свою инквизиторскую ленту, и перекинув её на шею наподобие столы, прочел разрешительную молитву.

– Господь наш Иисус Христос, да смилуется над твоей душой, Агафон. Уходи с миром. – закончил Кастор, и отойдя от кровати умирающего, направился к выходу. У двери его задержала Марта. Прервав рыдания свои, но все еще заикаясь, жена головы спросила:

– Ваше Преподобие, а вот еще вопрос. Его же эта, нежить укусила... А он сам того... Не станет?

– От укусов нежити люди чаще всего становятся мертвецами, а не нежитью. Если он не был одержим, то вряд ли. Впрочем, если вас это так волнует, можете его расчленить и закопать в разных местах, это сработает.

Отбывали из Сборри на закате. Грэйс был к тому времени похоронен, пепелище Анниной хаты уже почти не дымило, а по итогам расследования четверо селян получили свои приговоры. Проскур, Агафон и Кукша при этом получили свою амнистию, а вот сбежавшего Паула, будь он пойман, или даже сдайся он сам, неминуемо ждала казнь. В итоге дело было закрыто.

В Дормезе прибавилось на одного пассажира. С собой Кастор увозил Лию, но не для того, что бы подвергнуть её каким-то пыткам или казни, а что бы определить в монастырь. Девочка явно обладала склонностью к малефикации, и если еще не была ведьмой, то вполне могла ею стать. Тем более, что мамочкина судьба не могла на ней не сказаться, демоны знали, что им причитается, и должны были попытаться взять своё. Самое лучшее, что можно было сделать для Лии – определить её в обитель Одигитрии под Альденом. Кастор лично знал игуменью, и мог замолвить за девушку пару слов. Возможно, жизнь её и пройдет в стенах обители, в

обыденных и тихих послушаниях, без семьи, без мужа, без детей, но это в любом случае лучше, чем то, что произошло с Анной.

Уже сидя вместе с Рориком в своём отделении Дормеза, на мягком кожаном сидении, Кастоа поглядел под ноги. Там время от времени пошевеливался брезентовый мешок.

– А убийцу-то так и не взяли, вот что жаль, – посетовал Рорик. – Я за все расследование даже никого не покарал... Скучно с тобой, Кастор.

– Ну есть же еще и Господь. – возразил комиссар. – А Он иногда так карает, что лучше было бы попасть к тебе в руки.

Мрачная чёрная повозка тронулась с места, качнулась на ухабе, и покатила со скрипом в сторону полыхающего неба, оставляя за собой обескураженную, встревоженную, но очищенную от скверны деревню.

Женские секреты.

1. Угол Паттона.

Альден – столица Империи, второй по величине город Западного мира, Сердце Севера. Полтора миллиона жителей, тысяча семьсот лет истории. Бесконечное море домов, сети узких мощеных улиц, и все это наполнено океаном людей, их звуков и запахов, сплетением судеб.

Нельзя объять и контролировать эту стихию, если ты всего лишь человек, даже Император. Тысячи и тысячи министров, судей, магистратов, секретарей и клерков, десятки разнообразных чинов, все они, каждый на своем месте, организовали людское море, направляя его процессы. Городовые стражи тоже были частью этой системы, пусть и самой низшей её фракции. Поэтому, прохаживаясь по улицам, можно было испытывать приятное ощущение власти над основной массой обывателей, особенно в бедных кварталах. Там люди, как правило, оказывались в полной власти наряда, вплоть до того, что стражник мог решить жить кому-то или нет. Впрочем, в бедном квартале и пожить было нечем, хоть перережь половину бедняков. Поэтому, гораздо вернее было патрулировать бедные рынки, где торговцам платить было чем, и даже было за что.

Иногда толкая плечами толпящихся вдоль по торговой улице людей, и не обращая никакого внимания на их торопливые извинения, осуществляли свое дежурство двое городских стражей. Это были два унтера, капрала, поэтому они и могли патрулировать в этом вполне еще пристойном районе. Лениво поводя глазами, оба искали возможности где-нибудь чего-нибудь подрезать.

– Вчера этого видел. .. Веллера, ну помнишь, со специями? – проговорил один, не отвлекаясь от наблюдения.

– Да, помню, чего он?

– Привез мигульских семян, сдал мне мешочек.

– Ну а чего ты не взял, сейчас бы пощёлкали...

– Их еще жарить надо, так невкусные. Руки не дошли.

– Их жарят что ли?

– Да, с маслом.

– Прекрати, жрать же охота.

– Так что за вопрос? Сейчас до Баррета дойдем, сосисок подрежем.

Однако, до сосисок стражники так и не добрались. Из толпы неожиданно выскочил парень в инквизиторской ленте и, застыв наряду путь, стал распоряжаться:

– Стража, следуйте за мной. Производим арест подозреваемой в колдовстве, конвоируем в консисторию Инквизиции.

– Твоюж мать... – как можно тише процедил сквозь зубы один из стражников. Возможность перекусить откладывалась на неопределенное время.

Идти пришлось недолго: немного по поперечной улице, до угла. Там находилась дешевая харчевня, кормушка для тех, кто не может потратить больше пяти центов за ужин. Занимавшая первый этаж углового дома, она всегда была наполнена накопившими медяков нищими, оборванцами, одинокими стариками, а так же теми, кто имел причины здесь находиться. Над входом висела ветхая вывеска с облупившейся краской, где была уже плохо различима белая надпись на зеленом фоне: Угол Паттона.

Молодой инквизитор вместе со стражами вошли внутрь, и бесконечный галдёж за столами, без того не громкий, почти сошел на нет. В темном и душном помещении пахло кислой капустой и горелым маслом. Гостей, по-хозяйски подбоченившись, встречала женщина в простом платье и чепце, с длинным полотенцем, перекинутым через плечо.

– Госпожа Паттон? – поинтересовался инквизитор.

– Да, я вас слушаю. – ответила женщина без страха, но настороженно.

– Именем Святой Инквизиции Альдена, вы арестованы по подозрению в колдовстве, и причинении вреда здоровью гражданам Империи. Прошу следовать за нами.

– Что еще за бред? – грозно возразила хозяйка. – Мы работаем...

– Вы идёте с нами. – ответил уже не менее зло инквизитор и дал знак стражам. Те без особого удовольствия взяли женщину под руки и повлекли к выходу.

– Гай! Гай! – закричала она, оглядываясь. Из-за стойки выскочил перепуганный мужичок в засаленной рубаше. Он, конечно ничем не мог помочь. – Гай, закройся! Ты за старшего!

Это было последнее, что успела выкрикнуть госпожа Паттон, прежде чем её выдворили из собственного заведения и потащили вдоль по улице, в сторону городского центра. Там её ожидала оваянная недоброй славой цитадель "Чёрные шпиль", столичная консистория Святой Инквизиции, куда никто не хотел попадать, если только сам не был инквизитором.

Арбитр Инквизиции Тиммонс на своей должности находился уже двадцать четыре года и обычно с самых первых материалов по делу мог предсказать его перспективу. В данном случае он чувствовал, что вполне перспективное дело может быть запорото новичком. Брат Аполлос Епифан этой весной получил назначение в Альден, и уже зарекомендовал себя определенным образом. Чуть не сжег дом, не сумев найти в нем вампира, и избил до полусмерти шарлатана, продававшего обереги и амулеты. В коллегии уже ставили вопрос о понижении его до помощника детектива, и следующий подобный эпизод должен был неминуемо к этому привести.

Сейчас инквизитор стоял прямо перед Тиммонсом, пока тот изучал его рапорт и еще пару сопутствующих документов.

– Брат Аполлос... Создается впечатление, что вы как-то легкомысленно относитесь к следственным мероприятиям, к доказательной базе. – заговорил устало арбитр. – Вы на основании только одного заявления производите арест, не допросив ни одного свидетеля, не проверив ни одного факта, а теперь я должен вынести какое-то решение?

– Следственные действия, на мой взгляд, могли спугнуть подозреваемую. А между тем заявление не единично, посмотрите, за месяц до этого на госпожу Паттон уже писали заявление.

– Брат Аполлос, оба заявления совпадают слово в слово, у них один и тот же автор. Кстати, что с этой госпожой Фулкин, где её протокол допроса?

– Её заявление достаточно подробно...

– В общем так, с момента ареста у нас есть трое суток, что бы определиться с приговором. Либо вы дорабатываете то, что не доработали, либо госпожа Паттон выходит, а консистория выплачивает ей положенную компенсацию. Вы, в таком случае, скорее всего будете переведены на границу Вестера, где сможете жечь кого и как вам заблагорассудится, пока вас не сожрут. И это будет вам уроком. Идите работайте, того что вы мне предоставили ничтожно мало.

Аполлос заиграл желваками, но поклонился и вышел из кабинета арбитра.

Молодой детектив понимал, каково его положение, и то, что слова Тиммонса вполне могут оказаться пророческими. Провал дела Паттон грозил обернуться карьерным фиаско лично для Аполлоса.

Думая об этом, и переживая ярость и растерянность одновременно, он прошел по тенистым коридорам управления, спустился по винтовой лестнице во второй подвальный этаж, и вошел в секцию изоляторов. Именно здесь содержались подследственные, и условия для них были не так плохи, как у осужденных. Нары с постелью, двухразовое питание из рациона служащих, сухие стены. Согласно закону, между арестом и судом могло пройти не более трех суток, поэтому здесь люди надолго не задерживались, и для некоторых персонажей пребывание в застенках консистории оказывалось своеобразным отдыхом по сравнению с жизнью снаружи.

Впрочем, явно не для Агнессы Паттон.

Женщина, пребывая в заточении, не позволяла себе слез, но только сидела на своей постели, понутив голову, погруженная в какие-то тягостные размышления. Уже семь лет, как она овдовела и стала единоличной хозяйкой харчевни, которую когда-то учредил еще её свёкр. Ей, как женщине, было нелегко удержать дело Паттонов на плаву, и даже достичь определенных успехов, но она смогла. Не без определенных хитростей, конечно. И вот, этот непонятный арест, вряд ли достаточно обоснованный, но у инквизиции была именно такая слава, что она не утруждалась обоснованиями арестовывая людей и казня их. И сейчас Агнессу волновала не столько перспектива казни, сколько возможный ущерб для харчевни, оставшейся без хозяев. Гай, конечно, отличный парень, хозяйственный, но у него нет никаких прав на заведение, да и не смог бы он держать его в одиночку. Что будет теперь?

Лязгнул засов тяжелой окованной двери, несущей на себе отчеканенный знак Креста и тексты запретительных молитв, и в камеру зашел дежурный сентинел:

– Госпожа Агнесса, прошу на выход.

Паттон поспешно встала, поправила платье и, не без достоинства, вышла в коридор. Там арестантку ждал уже знакомый ей детектив. Он жестом приказал ей идти следом, и в сопровождении сентинела они отправились в зал экзекуций.

В просторном и мрачном сводчатом зале, не имеющем окон, а потому освещаемом только несколькими лампадами по стенам, производились тесты и дознания. Для этого здесь имелись все необходимые условия и инструментарий: огромный камин, жаровня, дыбы обоих типов, три вида колодок, даже иудин стул, и огромное количество мелких приспособлений. Таких залов в консистории имелось сразу три, но использовался по преимуществу только этот, наиболее оснащенный.

Агнесса постаралась сохранить самообладание, и не выдать ужаса, который пронизал все ее естество, при виде потемневших деревянных и железных монстров, причинивших неисчислимые страдания огромному количеству людей, возможно вызывавшие их смерти.

С готовностью подошел к Аполлосу дознаватель – высокий и могучий старик, с рыбьим безразличным взглядом, выдающим крайнюю степень бесстрастия и отрешенности. Он уже сейчас готов был приступить к любым истязаниям, и не потому, что это вызывало у него хоть какие-то эмоции, а просто в силу того, что таково было дело всей его жизни, ремесло.

Однако, Аполлос отказался от его услуг и попросил вызвать чтеца. Дознаватель приняв к исполнению, вышел, а инквизитор самостоятельно усадил Агнессу на деревянное кресло, и пристегнул её руки и ноги закрепленными ремнями.

Вскоре пришел чтец, пожилой монах с лицом вполне добродушным, и встал за аналоем. К тому времени Аполлос уже положил углей в кадку, и поместил её рядом с Агнессой, оставалось только кинуть немного ладана. Можно было начинать тест на обрупцию.

Тест занял обычные пол часа, за которые чтец вычитал установленное последование, а Аполлос сжег горсть отличного ладана. Даже дознаватель и тот постоял в уголке, помолился, чинно крестясь в конце каждого тропаря. Человек был очень набожный и благочестивый.

Однако, в результате теста никакой обрупции выявлено не было, вообще. Агнесе даже не стало дурно, она напротив молилась вместе со всеми, смиренно склонив голову, и в конце канона осталась вполне в хорошем самочувствии и даже в приподнятом настроении. Никакой обсессии.

Аполлос, мрачнее тучи, приказал сентинелу препроводить Паттон обратно в её камеру, а сам пошел выписывать наряд для обыска.

К вечеру наряд инквизиции произвел обыск в "Углу Паттона", забрав с кухни все, что напоминало порошки, приправы, масла и зелья, и теперь это все надлежало проверить в лаборатории. Согласно поступившему в консисторию заявлению, Агнесса Паттон заговаривала еду и добавляла в неё снадобья, вызывавшие у посетителей настоящую зависимость, страсть, заставлявшую возвращаться в харчевню снова и снова. Теперь детектив Епифан надеялся только на то, что среди изъятого будет действительно обнаружено нечто, сильно отличающееся от обычных приправ.

Исследование должно было начаться только на следующий день, поэтому вернувшийся в Управление Аполлос оказался совершенно свободен. Подавленный гнетущими мыслями о ходе расследования и своих перспективах, молодой детектив решил спуститься в цоколь жилого корпуса, где располагался зал для гимнастических экзерсисов.

2. Комиссар.

Это было просторное помещение с обычными каменными стенами и сводами и рядом маленьких окошек, выходящих на поверхность у самого потолка. Здесь имелось достаточно свободного пространства, хорошо утрамбованный земляной пол, а так же расположенные вдоль стен гимнастические снаряды, все для того, что бы служители могли поддерживать надлежащую физическую форму. Занятия, носившие обязательный характер в начальных училищах и академии, после выпуска и назначения на должность становились делом личной дисциплины и залогом выживаемости в силовых операциях. Посему, в этом зале можно было встретить только самых энергичных и ответственных представителей инквизиции.

Аполлос рассчитывал немного разогреться с гирей, потом, возможно спарринговаться с кем-нибудь из братьев на тупых мечях, если будет с кем.

По счастью, в зале оказалось несколько человек, но все они собрались вокруг одного, что-то им объясняющего. Подойдя ближе, Аполлос с радостью узнал в говорящем своего знакомого и безмерно уважаемого инквизитора. Стоя в простой сорочке, заправленной в брюки, с братьями беседовал никто иной, как майор-агент Кастор Барроумор.

– ... Когда он прячется, вы не должны искать его глазами. Здесь, или здесь. Когда вы концентрируетесь на одной точке, вы ослабляете периферическое зрение. И если будете внимательно смотреть в ошибочном направлении, то просто не среагируете на атаку. Поэтому, если направление опасности не ясно, смотрите в общем, ни на чем долго не задерживайтесь. Кроме того, при плохом освещении, это несколько улучшит видимость, что тоже немаловажно.

Братья слушали Барроумора едва не затаив дыхание, потому что это говорил человек, который опробовал свои тезисы на практике, и жизнь которого была свидетельством их действительности.

– Приветствую вас, брат Кастор.

– Кого я вижу! Брат Аполлос. – улыбнулся Барроумор, и обратился к своим слушателям. – Ладно, братья, с Богом, занимайтесь.

Отойдя к Аполлосу, комиссар спросил:

– Ну как твои дела? Я слышал ты действуешь, верно следуя заветам Маркуса: сначала жгем, потом разбираемся.

– Если честно, я сейчас пребываю в затруднении. – признался Аполлос.

– И об этом я знаю. Моё предложение таково: сначала все-таки завершим упражнения, потом поговорим о делах твоих скорбных.

Аполлос удостоился наконец того, о чем в тайне мечтал: сойтись в поединке с самим Барроумором. Брат Кастор остался в сорочке, а младшему товарищу он крайне рекомендовал не пренебрегать положенным в таких случаях дублетом. Мечи для спаррингов были лишь незначительно легче боевых, и несмотря на совершенно широкие округленные кромки, могли оставить на теле весьма значительные ушибы. Тем более, когда участники поединка входили в раж, и наносили удары уже мало себя сдерживая.

Аполлос послушался Барроумора, и конечно, оказался в этом прав. Кастор рубил молодого брата парируя каждый первый его удар, и не оставляя буквально ни шанса. Ты бьешь противника, но он исчезает с пути твоего клинка, словно призрак, и почти в это же мгновение удар возвращается. Вообще Аполлос был отличным фехтовальщиком у себя на курсе, имел всегда самую высокую оценку, но здесь был какой-то другой, запредельный уровень. По Барроумору просто нельзя было попасть, словно он был бесплотен.

Взмокнув и выдохшись, получив саднящую боль в десятке мест на плечах, руках, бедрах и даже спине, Аполлос не добился ничего.

– Как? – спросил он, склоняясь и переводя дыхание.

– У тебя очень хорошие атаки, но я читаю их в начале и принимаю верные решения.

– Слишком быстро...

– Поэтому я и жив до сих пор, брат Аполлос. Скорость и верность решений, это универсальное преимущество.

– Вы, должно быть, были лучшим в фехтовании, когда учились? – разогнувшись, Аполлос стал стягивать с себя уже ставший горячим дублет.

– Нет, я был вторым. – покачал головой Кастор. – Лучшим был Гастон Феникс. За всю жизнь, я не видел никого, кто владел бы мечом лучше его. Он был на голову выше любого из Грифонов.

– Я слышал про него. Но он же... погиб в Мистерионе?

– Да. Потому что быть лучшим в мире фехтовальщиком не всегда достаточно, что бы побеждать и выживать. Гастону встретился ликантроп-вожак, и Гастон даже успел поразить его прямо в сердце. Но беда в том, что этого было недостаточно, что бы убить вожака сразу. Думаю, единственная возможность для этого, это удачно пронзить ему мозг. В общем, в следующее мгновение ликантроп разорвал его на куски, и только потом сдох. С мечом в сердце.

– Вы же там тоже были?

– Мы участвовали в одной экспедиции, но никогда не работали вместе, у нас были сложные отношения. – задумчиво проговорил Кастор. – Хотя и жаль его... Ну, что ж, сейчас пойдём попьём, и расскажешь мне, в чем твои проблемы.

Выслушав Аполлоса, Кастор успел одеть камзол и привести себя в порядок.

– Есть такая теория, среди неблагонадежных людей, которая называется презумпция невиновности. – проговорил комиссар, придиричиво разглядывая себя в посеребренное зеркало. – Суть её в том, что подозреваемый считается невиновным, пока его вина не доказана. Странный подход, прямо скажем... Но давай попробуем исходить из того, что твоя харчевница и в самом деле невиновна. Мы имеем два доноса на неё, от одного и того же человека, так?

– Да, их написала Лора Функин...

– Неважно. Важно, что Лора может иметь причины харчевницу оклеветать. Поговори с самой харчевницей, дай понять, что у неё есть все шансы выставить крайней недоброжелательницу, и тут же получишь массу информации, возможно даже полезной. Потом потрянешь эту твою Функин.

Лицо Аполлоса просияло:

– Ваше Преподобие, спаси вас Христос!

– Вообще, брат мой, ты сам должен доходить до таких элементарных вещей. Я, конечно, понимаю, что лучше пережечь, чем недожечь, но бабы клеветают на баб с тех пор, как Лилит увидела Еву. Стыдно, исправляйся.

– Да, спасибо.

– Держи меня в курсе.

Агнесса Паттон уже улеглась на постель, пытаясь уснуть, когда с лязгом отворилась железная дверь, и перед ней снова предстал арестовавший её детектив. Арестантка села перед ним, выказывая полное внимание, и Аполлос заговорил:

– Мы должны убедиться, что вы не стали жертвой навета недоброжелателей.

– Правильная мысль. – подхватила Агнесса.

– Есть ли кто-нибудь, кто желал бы свести с вами счёты?

– К сожалению таких немало. И первый среди всех Карл Либен, хозяин "Золотой свиньи". Наш "Угол" давно ему как кость в горле. Да, помещение у нас не самое новое, и публика бывает разная, но кухня не хуже, а цены раза в четыре меньше. Кто у него будет харчеваться? Богатеи, купцы? Так они не в наших кварталах харчуются. А весь наш народ у меня. Если я исчезну, в "Золотой свинье" будет праздник.

– Хм... А вот если госпожа Лора Функин? Она может иметь к этому отношение?

– Функин? Подождите-ка. .. – Агнесса отвела в сторону обескураженный взгляд. – Ах ты сучка такая! Что, она на меня написала? Это все ложь!

– Так зачем же ей лгать про вас?

– Это моя бывшая кухарка! Я уволила её месяц назад. Конечно она на меня зуб держит. А знаете что, вот не хотела я её выдавать, дело-то женское, но раз так, скажу. Я её почему уволила? Обрюхатилась она. В марте уже видно стало, а потом сами понимаете... Мне на кухне бабы на сносях только не хватало. Рассчитала я её за март, да и отправила. Так и что вы думаете? Эта дура пошла, да выскоблила дитя-то, как и не было. Пришла через неделю, больная вся, опять на работу. Видит Бог, я с лиходейками дела не имею, у нас порядочное заведение, выгнала её вообще взашей. Вот я сама дура была, что не сдала её городovým, пожалела. А она мне чем отплатила? Посмотрите-ка только! – Агнесса затараторила в свойственной торговым бабам манере, заставляя Аполлоса поморщиться.

– Ладно, хорошо. – ответил он, стремясь успокоить Паттон. – Надеюсь, эта информация подтвердится, это могло бы здорово вам помочь.

– Да уж поверьте, и я на это надеюсь. Только так оно всё и было! Мало того, что дитя своё, так еще и на меня клеветает!

Апартаменты Кастора располагались на верхнем, четвертом этаже общежития при Управлении. Четыре окна, занавешенные тяжелыми малиновыми портьерами, три комнаты: просторный кабинет с книжными стеллажами и тяжёлым лакированным столом; спальня с большой кроватью, на черной резной спинке которой застыли фигуры скорбных ангелов; последним помещением была лишенная окон уборная с массивной литой ванной посередине и огромным медным зеркалом.

Кастор бывал в своём жилище недолго, чаще всего только, что бы переночевать и на утро привести себя в порядок. Иногда подолгу не появлялся вообще. В его отсутствие сюда навещалась горничная, что бы произвести влажную уборку, полить фикусы и сменить белье. Иногда она же готовила ванную, когда Кастор её заказывал. Основную же часть времени апартаменты инквизитора пустовали как дом покойника, храня в себе мертвенное безмолвие и неподвижность.

Кастор вернулся уже вечером, после занятий в гимнастическом зале, когда в его жилище уже воцарился совершенный мрак.

Войдя в кабинет инквизитор пару раз повернул ручку фонаря, и фитиль, осыпанный искрами кремня, ожил, источая тусклый желтоватый свет. В углы и в стороны отпрыгнули беспокойные тени, Барроумор оглядел комнату и, проверив запертую за собой дверь, прошёл дальше, в спальню.

Спокойствие одиночества было обманчиво. Кастор всегда опасался оставаться один, тем более в тишине. Потому что именно в такие моменты подступал к нему главный враг его жизни. У врага было имя, но Кастор его не знал, хотя это приблизило бы его к освобождению. У врага был облик, но Кастор хотел бы его забыть, по той же причине.

Наполнить тишину молитвой – вот единственная защита, но, к сожалению, не совершенная. Ждать атаки пришлось недолго: очень скоро мрак по углам задрожал, мельче и чаще, чем мерцание светильника. И неясный шелест, сначала показавшийся, потом повторившийся, перешёл в различимую речь тысячи змеиных голосов, звавших Кастора по имени.

–... и как тает воск от лица огня... – молился инквизитор, закрыв глаза.

– Поздно Кастор. – уверенный и глубокий голос заговорил в правое ухо. Повеяло холодом и гнилью. Враг был рядом, и Кастор был уверен, что открыв глаза, увидит его воочию. Страшный лик, мелькающий в кошмарах, являющийся на грани сна: бледная и блестящая от влаги кожа, запавшие глазницы, а из-под тонкой черной губы – длинные кинжалы уродливых кльков, закрывающие нижнюю челюсть.

Выражение демонской морды не свирепое, не злое, а спокойно-уставшее, даже страдающее. Кастор не желал этого видеть, он продолжал молиться.

– Брат мой Кастор. Твоя молитва пуста, ты думаешь обо мне. Кому же ты молишься? Явно не Тому, Кого предал. Слуга Люцифера... Иногда я завидую тебе. Сколько в тебе коварства, Кастор. Ты окружен своей священной дрянью, ты весь обвешен мерзкими Крестами, но в сердце твоём живет такая же тьма, как и во мне... Как же так, Кастор? Почему тебя не жжет ваш божественный яд? Ты же мой брат, Кастор. Может быть... Может быть дело в твоей плоти? Твоё мясо защищает тебя? Я хочу твоего мяса.

Кастор ощутил как холодный мокрый язык скользнул по его щеке и уху.

– Твоя плоть... Тебе же понравилась, эта девочка Лия? Я знаю её. Она немножко поправится и будет в самом соку. Вернись к ней, я разожду в ней похоть, и ты получишь её тело, почему нет, Кастор? Как давно ты не знал женской плоти? А эта плоть молода, хороша... Помнишь как это было? Помнишь Фелицию? Фелиция... Она тебя помнит.

Кастор стиснул кулаки и зубы, на лице его выступил бисером холодный пот. Но демон продолжал:

– Я видел твою Фелицию только что. В аду, конечно... Визжит и проклинает тебя. Хочет, что бы ты был с нею вместе. Как же так, Кастор, ты же бросил её? Но еще не поздно воссоединиться. Повисни, как она, и будь с нею вместе. Хоть какое-то облегчение для неё. Ведь это ты её отправил туда, в пекло, Кастор! Где твоё сердце, Кастор? !!

Демон возвысил голос срываясь на рёв, но Барроумор путаясь в словах и судорожно собирая рассыпающиеся мысли продолжал пытаться молиться. Ни разу не мог дочитать девяностый псалом до конца, сбивался, начинал заново, но в этих попытках, кажется, смог отвлечься от демонской речи.

– Кастор! Ублюдок! !

Могучий удар в грудь бросил Барроумора спиной на дверь, сбил дыхание, поверг на колени, но тут же все стихло. Инквизитор смог отдышаться, и подняв глаза на Распятые в изголовье кровати, дочитал, наконец, девяностый псалом. Не первый и не последний бой Кастора.

3. Кровавый цирюльник.

Огмарч, один из старинных и бедных районов Альдена, рассекаемый линией Серого Канала, отводящего воду из Артерики в западные части города. В незапамятной древности здесь располагались мерзейшие болота, источавшие заразу ещё на первых обитателей города, и лишь спустя несколько веков это неблагополучнейшее место удалось осушить и даже застроить. Спустя века город разросся ещё дальше, оставив Огмарч глубоко в своих недрах, но и теперь по утрам здесь царили, как когда-то, непроглядные туманы, клубящиеся над каналом и ползущие вдоль по прилегающим к набережной улицам.

Небольшой мощный двор у конторы Корвуса, местного нотариуса, ростовщика, перекупщика и букмекера, был своеобразным центром общественной жизни в жестяном квартале Огмарча. Сейчас, ранним туманным утром, пока не зазвонили к заутрене колокола Альдена, здесь было почти безлюдно. Почти потому, что к одной из стен жалось, устало и зябко кутаясь в драные плащи, две фигуры. Это были местные маггеры, ожидавшие открытия конторы, что бы сдать ночную поживу. Что-то удалось украсть, что-то отнять, теперь же нужно было превратить полученное в обыкновенные медные центы, таннеры или даже фартинги. Маггеры в этом и во многих других бедных районах, находились практически на полулегальном положении, отчисляя определенный сбор городским, и за это не только получали возможность жить своим ремеслом, но и обязаны были поддерживать своеобразный порядок.

В это безлюдное время, наткнувшись в тумане на маггеров, любой горожанин расстался бы со всеми своими монетами, и когда сквозь серую пелену послышались чьи-то шаги и замаячили силуэты, оба грабителя пришли в оживление. Младший взялся за потёртую рукоять ножа, старший стал пристально всматриваться. Через несколько мгновений оба поспешили убраться со двора в проулок, потому что из тумана появился угрюмый тип в инквизиторской ленте, а с ним невыспавшийся и от того еще более угрюмый городской.

Детектив Аполлос Епифан подошел к двери конторы и оглянулся на стражника:

– Здесь?

– Так точно, Ваше Преподобие. – кивнул утомленно городской и, подавшись вперед, постучал в дверь, сильно и требовательно. Весьма скоро внутри послышалось движение, дверь отворилась и на пороге появился худой старик в овчинном жилете поверх ночной рубахи. Лицо его было злым, и глаза из-под красных опухших век смотрели с презрением.

– Чем могу быть полезен, господа? – спросил он с некоторой издёвкой в голосе.

– Господин Корвус?

Старик немного выглянул на двор и обернувшись посмотрел на вывеску у себя над дверью:

– А что, здесь написано что-нибудь другое? Так чем могу быть полезен?

– Нам нужно найти госпожу Лору Функин, из Жестяного Квартала.

– Ну, у меня её нет, я уже сами видите, не в том возрасте... – все в той же издевательской манере ответил Корвус. – Ладно, проходите пока. Сейчас посмотрю, что у меня в картотеке.

Инквизитор с городским вошли в темную прихожую с низким потолком, где стояла пара лавок для ожидающих и царил тот гадко-приторный запах, что свойственен жилищам стариков. Корвус прошел дальше, за следующую дверь, обтянутую поблекшей стеганой тканью, где и пропал еще минут десять, копаясь в своих записях. Наконец, ожидание завершилось, и старик вышел к своим посетителям.

– С вас три цента, господа. За справочную информацию, разумеется. – проговорил он, держа в руках какую-то записку. Аполлос нервно дернул уголком рта, но извлек из кошелька таннер, хотя в иное время не только не заплатил бы, но ещё и стряс бы с Корвуса хороший

штраф. Однако сейчас его занимало единственное стремление: покончить, наконец, с этим проклятым расследованием.

Корвус передал записку, в которой значилось расположение жилища семейства Фулкин, и тут же добавил:

– Подождите минутку, я вас рассчитаю.

– Пошли отсюда. – бросил Аполлос стражнику, и они вышли вон из конторы. Корвус пожал плечами, осмотрел доставшийся ему таннер, и закрыл за ними дверь.

Квартира Фулкин располагалась на втором этаже старого дома недалеко от двора Корвуса. Строению было уже лет шестьдесят, и если нижняя его часть сложенная из камня, выглядела еще не так плохо, то второй этаж и крыша, собранные из дерева, серьезно перекошились в разных местах, приняв причудливые очертания и грозя свалиться со своего основания.

Вверх по узкой скрипучей лестнице и, спугивая ленивую жирную крысу, в длинный темный коридор с маленькими оконцами по торцам. Стук в дверь.

Аполлосу открыла низкорослая круглолицая девушка, в чепце и рваном платье. Выражение и бледно-серый цвет её лица свидетельствовал о весьма болезненном состоянии. Возможно, у девушки был жар, и стоять сейчас на ногах требовало от неё определенных усилий.

– Госпожа Лора Функин? – поинтересовался инквизитор.

– Да... Я...

– Вы арестованы по обвинению в убийстве своего ребенка, следуйте за нами.

– Я больна...

– Городовой, помогите ей. – распорядился Аполлос, и стражник вывел Лору в коридор, взяв её под руку.

Поместили госпожу Функин в такую же камеру, в какой находилась и Паттон, что было не так плохо, учитывая её состояние. Прежде, чем производить дознание лично, Аполлос отправил к арестантке доктора, который должен был не только оценить её состояние, но и установить возможную связь между болезнью и совершенным преступлением.

Доктор Харратс был плешив, ходил во врачебном переднике и с огромным портфелем, в котором держал все потребное для манипуляций. Работал он при Управлении уже довольно давно, не только оказывая медицинскую помощь, но и занимаясь исследованиями трупов, а так же непосредственно участвуя в дознании. У него была репутация одного из самых лучших и опытнейших врачей Альдена, во многом благодаря обширнейшей практике.

После осмотра Функин Харратс немедленно доложил о его результатах детективу, который ожидал в коридоре.

– Ваше Преподобие, ситуация следующая. У госпожи Функин обширный сепсис, полагаю в результате неудачного хирургического вмешательства в области детородных органов. Более чем уверен, что это было прерывание беременности, и результат закономерный. По моим прогнозам, жить госпоже Функин чуть больше недели, хотя при взрывном развитии сепсиса, вопрос может решиться еще раньше, и очень быстро. Если рассуждать в теории, её можно было бы попробовать спасти, при весьма небольших шансах и весьма хороших деньгах, но это, конечно теория.

– Благодарю вас, доктор. – покачал головой Аполлос. – Господь Сам всё рассудил. Впрочем, было бы хорошо разобраться с тем, кто убил её ребёнка и, получается, её саму.

– Разумеется, Ваше Преподобие, это было бы очень хорошо. При всей моей филантропии, по моему скромному мнению, доктора, ставшие на сторону дьявола и участвующие в убийстве детей, заслуживают самых интенсивных болевых ощущений, вплоть до летального исхода.

– Я вас очень хорошо понимаю. – кивнул Аполлос и, распрощавшись с доктором, сам зашел в камеру к Лоре.

Функин в изнеможении лежала на своих нарах и даже не поднялась, когда вошел инквизитор, лишь перевела на него взгляд.

– У меня для вас скверные новости.

Функин ответила не сразу, словно собравшись силами и облизнув сухие губы:

– Я умру?

– Мы все умрем. Вы умрете очень скоро. Тот человек, который убил вашего ребенка, он заразил вашу кровь, и жить вам осталось несколько дней. Думаю, это будут очень мучительные дни... Но мне есть, что вам предложить.

– Что же? – на лице Лоры не отобразилось никаких эмоций, она и сама уже знала к чему все идёт, и желала только одного, что бы смерть не медлила и не была слишком болезненной.

– Вы можете умереть здесь, в сносных условиях. Наш сентинел обеспечит вам необходимый уход и насколько можно облегчит ваше умирание. Поверьте мне, это много лучше, чем умирать в тюрьме, или вообще на пересылке.

– Да, хорошо... Что вам от меня нужно?

– Просто расскажите мне, кто помог вам избавиться от ребёнка?

– Я не хотела. Это всё из-за Паттон... Эта ведьма... Я сказала ей, что мне нужна эта работа, моему ребенку нужна. Но она выгнала меня вон. Сказала возвращаться, когда избавлюсь от своей проблемы... Я не хотела...

– Вы поэтому написали на неё донос, что бы отомстить ей? Это правда то, что там написано?

– Это правда. Она мне сама говорила как-то, что у неё есть волшебная специя, которая заставляет людей возвращаться к её стряпне.

– Хорошо, с Паттон мы разберёмся... Кто убил вашего ребенка, к кому вы ходили?

– В Динконере, на Трёхцентовой улице, цирюльник Орман.

– Откуда вам стало известно о нём?

– Как-то разговорилась с одной девушкой из саун. Они к нему ходят... В нашей части города больше и не к кому.

– Из саун... – повторил задумчиво Аполлос.

Сауны западных окраин всегда имели репутацию публичных домов, и мало кто сомневался, что эта репутация оправдана. В Альденской Империи проституция была запрещена, за неё полагалась ссылка на рудники или в шахты, но закон не запрещал саун, где девушки помогали клиентам совершать омовения. Всё же, что происходило за ширмами купален, оставалось в купальнях. Разумеется, кроме тех случаев, когда девушки беременели, и дело выходило за пределы саун непосредственно на Трёхцентовую, в Динконере.

– Хорошо, Лора. Я должен идти... Если хотите, я вызову вам духовника, и вы сможете исповедоваться.

– Я была бы вам благодарна.

– Господь да смилуетя над вами.

Район, известный как Динконер, находился на самой западной окраине Альдена, однако, несмотря на удаленность от центра, не был бедным районом. Дома здесь были хороши и опрятны, улицы аккуратно вымощены, имелись фонтаны и скверы. В Динконере, помимо саун с девушками, горожане могли найти дорогие гостиницы, игорные дома, лавки перекупщиков, букмекерские и наемнические конторы, представительства альтернативных торговых компаний. Всё это было искусно оформлено приличными фасадами и вывесками, так что бы городская стража могла отвлечься без особых усилий. Особенно красиво здесь было поздними вече-

рами, когда зажигались созвездия уличных фонарей, а в сотнях окон подсвечивались пестрые шторы. Огромное количество денег тысячей ручейков стекалось в Динконер со всей столицы, оседая в карманах искусных дельцов, предлагающих альденцам самый изысканный отдых, какой можно было найти в пределах империи.

Трёхцентровая улица, была одной из беднейших в Динконере, находясь на самом краю и тупиком упираясь в городскую стену. В её начале шумел жутчайший кабак, куда не стоило заходить с деньгами и без ножа; чуть дальше прозябала нищенствующая лавка старьевщика; а еще дальше, напротив древнего жилого барака, висела приличная, выкрашенная дорогой бордовой краской вывеска с надписью "Цирюльня Ормана".

Аполлос, зайдя в дверь под нею, тут же столкнулся с хозяином, который сейчас пребывал в одиночестве. Орман оказался человеком средних лет, чей орлиный профиль и чёрная борода выдавали в нем уроженца юго-запада, возможно даже с мегалийскими корнями. Лицо его было зло и подозрительно, страха он не выказывал.

– Вы Орман? – спросил Аполлос.

– Я к вашим услугам. Хотите постричься?

Инквизитор дал стражнику знак выйти за дверь, и, как только тот удалился, с размаху ударил цирюльника в лицо. Тот успел немного уйти от удара, поэтому пришлось нанести еще несколько ударов справа и слева, прежде чем Орман оказался сбит с ног и окровавлен.

– Что вы делаете? – спросил он лежа на полу и с удивлением глядя на свою блестящую от крови руку.

– Я тебя бью, подонок. – проговорил Аполлос. Ему захотелось вообще убить цирюльника на месте, потому что его недоумение виделось сейчас наглой ложью и двуличием. Детектив припал коленом ему на грудь и занёс руку для еще одного удара.

– Не надо... -вскрикнул Орман, выставляя вперед ладони. – Я со всем согласен. Я все подпишу...

Аполлос презрительно сплюнул и, взяв Ормана одной рукой за грудки, поднял его на ноги.

Как только Ормана доставили в Управление, он сразу, миновав камеру и без всякого промедления, оказался в зале дознания. Прежде чем задать какие-либо вопросы, Аполлос распорядился усадить детоубийцу на иудин стул, и через минуту в коридоре изолятора зазвучал сдавленный крик боли, перешедший в непрекращающиеся стоны. Острая пирамида, оказавшаяся сиденьем детоубийцы, вошла в него дюйма на три, доставляя непрерывные и, как хотел доктор Харратс, интенсивные страдания.

Аполлос некоторое время наблюдал за цирюльником, который, сидя на жуткой конструкции со связанными за спиной руками, мотал головой и непрерывно стонал. Убедившись, что детоубийце действительно плохо, инквизитор заговорил:

– Я думаю, ты сейчас испытываешь именно то, что должен чувствовать человек, выдирающий детей из чрева их матери. Не могу сказать, что я доволен... Но так в самом деле лучше. А теперь расскажи, из какой именно сауны к тебе приходили женщины, как много, скольких детей ты успел убить. Отвечай...

– Я... Не могу... – срываясь на рыдания взвыл Орман. Аполлос вздохнул и дал дознавателю знак, что бы тот снял цирюльника с пирамиды. Арестованный оказался на коленях, с текущей по бёдрам кровью.

– Так лучше? Отвечай, из какой сауны к тебе приходили, кто приходил, как часто...

– Да из какой, я их не спрашивал. – сквозь слёзы ответил Орман, его трясло мелкой дрожью. – Мне платили, я делал. Это давно уже было... Я отошел от дел.

– Еще раз солжешь мне, и снова вернешься на свой трон. Когда ты убил последнего ребёнка? !

– Последнее прерывание... Недели две назад. Не помню... Там не из сауны девка была, какая-то то ли прачка, то ли кухарка. Я просто выполнил один заказ, и всё. Я не занимаюсь этим больше.

– Одного заказа достаточно, что бы тебя повесили, подонок. До этого случая, когда убивал последний раз?

– Да не помню я... Еще в том году, осенью. Богом клян...

Аполлос не выдержал и размашисто ударил Ормана, опрокидывая на пол. Тот закашлялся, сплюнул кровью. Аполлос присел рядом на корточки.

– Не поминай Имя Божие! Почему они перестали ходить? Сауна закрылась, появился другой ублюдок вроде тебя?

– Нет, никто не появился. Я бы знал, если бы в нашем районе... Они просто перестали делать аборт. И не закрылись, конечно, сауны работают... Перестаньте меня мучить, я все расскажу. Я прошу вас... Всё, что знаю.

– А вот это уже интересно. Удиви меня.

По указанию инквизитора, дознаватель развязал цирюльнику руки, и тот, отдышавшись, заговорил:

– У меня бесплатное обслуживание в саунах Малышки Мардж. Была даже девочка... которая нравилась. Так вот она исчезла, и не только она. Стали пропадать девушки, вместо них постоянно берут новых. Большая текучка, а к новеньким еще привыкнуть надо, да они и не умеют ничего, некоторые даже стесняются. Новенькие хуже... Я так думаю, что пропадают обрюхаченные. Может их убивают, или что с ними делают, этого я не знаю. Разбирайтесь с Марч, если хотите. Вот все, что я знаю...

4. Сауны Мардж.

Обедать Аполлос отправился в трапезную, где питались практически все служители и работники управления, от горничных, до генерал-агентов. Вышло так, что детектив пришел уже в одну из последних смен, когда с кухни подавали последние порции, и именно в это же время пришел обедать Барроумор.

Комиссар выглядел мрачнее обычного, от усталости или каких-то тяжелых размышлений, но как бы то ни было, Аполлос рискнул составить ему компанию и, поприветствовав, присел с ним за один стол.

– Что там у тебя? – поинтересовался Кастор, разламывая ломоть хлеба и отправляя огромный его кусок в рот.

– Всё не так плохо... Сегодня произвел два ареста, с практически доказанной виной. – и далее в течении пяти минут Аполлос рассказал старшему инквизитору о своих приключениях за первую половину дня, и о том, что удалось в итоге узнать.

– А что с Паттон? Нашли что-нибудь?

– Так точно. Среди изъятых вчера у неё на кухне веществ была обнаружена интересная приправа. Наши химики опознали в ней анабэль, это такая...

– Я знаю, что такое анабэль. Госпожа Паттон не дура, однако это противозаконно, добавлять в еду дурь. Ей светит конфискация лавки, и пожизненный запрет на работу содержание других заведений. Но во всем этом есть одна проблема. Ты арестовал трёх человек и раскрыл сразу два дела, но преступления всех троих лежат вне нашей подсудственности. Как только ты представишь материалы арбитру, он передаст их в магистратуру, и лично тебе никакой с этого выгоды. С другой стороны, проблем у тебя тоже не будет, никто теперь тебя не упрекнет в том, что ты арестовал Паттон слишком поспешно.

– Но, брат Кастор... Следствие еще не закончено. Не ясно что там с сауной, и куда пропадают девушки.

– Во-первых, тебе не нужно делать чужую работу. Приобщи всю информацию к делу, и арбитр сам все передаст по подследственности. Во-вторых, мы не можем держать людей в нашем изоляторе, если они даже не подозреваются в осуществлении духовной угрозы. Изолятор консистории, это не городская каталажка. Если передержишь их, это тебе припомнят на заседании коллегии. В-третьих, ты можешь нажать себе большие неприятности, если со своим рвением нарушишь какие-то договоренности между городскими властями и... хозяевами Динконера. Ты не знаешь, какого рода сотрудничество имеет место, и вполне возможно, что в магистратуре уже знают о том, что происходит в саунах. И о твоём цирюльнике, конечно, они тоже знают. Теперь им придется его вздёрнуть, на это они еще пойдут, но поверь, никто не обрадуется, если ты выветишь куда более влиятельных лиц.

– Так и что же получается. Я передам дело арбитру, и... Никто ничего не сделает с развратом в саунах и исчезновением девушек?

– Брат Аполлос. А кто будет делать? Те же люди, что ходят в эти сауны? Понимаешь, члены магистратуры вовсе не горят желанием бороться с собственным развратом. А что до исчезновения блудниц из саун... Ты не сможешь спасти всех в этом городе. И тебе лучше даже не знать всего, что в нём происходит. Как мне когда-то сказали: заткнись и лови своих демонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.